

День восьмой.

Въ которомъ подъ предсѣдательствомъ Лауретты разсказывается о томъ, какъ ежедневно женщины обманываютъ мужчинъ, мужчины женщинъ и мужчины другъ друга.

Восходящее солнце начало уже золотить верхушки горъ, тѣни блѣднѣли и очертанія предметовъ выступали изъ сѣрбющаго тумана, когда королева и остальное общество проснулись. Прогулявшись немного по утренней прохладѣ, они отправились въ близъ лежащую часовню отслушать воскресную службу. По возвращеніи оттуда уѣѣлись за обѣдъ, который прошелъ очень пріятно и оживленно.

Послѣ обѣда начались, по обыкновенію, пѣсни и танцы. Затѣмъ королева отпустила всѣхъ отдохнуть. Когда же солнце начало склоняться къ западу, всѣ собрались у прекраснаго фонтана, чтобы, по обыкновенію, развлекаться интересными разсказами, и Нейфиле начала, по приказанію королевы, свою новеллу.

Новелла I.

Наказанная продажность.

Гульфарту уговаривается съ женой Гаспаруоло, что проведеть съ нею ночь за извѣстную сумму денегъ, которая тотъ внесеть впередъ. Онъ занимаетъ эту сумму у мужа и отдаетъ въ видѣ возврата долга при свидѣтелѣ женѣ. По возвращеніи Гаспаруоло изъ Генуи, онъ говоритъ въ присутствіи жены, что возвратилъ ей свой долгъ, и послѣдняя не осмѣливается отрицать это.

— Такъ какъ на меня сегодня палъ жребій начать наши новеллы, то я не имѣю ничего противъ. Должна только предупредить, что такъ какъ въ послѣднихъ новеллахъ вамъ много говорили о разныхъ штукахъ, которыя женщины устраиваютъ мужчинамъ, то я хочу рассказать вамъ одну исторію о томъ, какъ мужчина провелъ женщину. Я отнюдь не хочу порицать его за это, напротивъ, его слѣдуетъ лишь похвалить, ибо обманутая женщина вполне это заслужила. вмѣстѣ съ тѣмъ, я хочу вамъ показать, что если мужчины часто бываютъ обмануты женщинами, то и они, въ свою очередь, умѣютъ поддѣвать насъ. Впрочемъ, говоря по правдѣ, случай, о которомъ я хочу вамъ рассказать, нельзя даже назвать обманомъ, это скорѣе заслуженное возмездіе. Всякая мало-мальски честная женщина должна оберегать свою честь пуще зеницы ока, та же о которой идетъ рѣчь унизилась до того, что не постыдилась ее продать. Можно прощать нашу женскую слабость, но женщины, осмѣливающія отдавать свои ласки за деньги, заслуживаютъ смерти на костре, какъ мы это видѣли въ новеллѣ, разсказанной нѣсколько дней тому назадъ Филострато о доннѣ Филиппѣ ди-Прато.

Въ Миланѣ жилъ нѣкогда нѣмецкій солдатъ, по имени Гульфартъ. Онъ считался очень честнымъ человѣкомъ, служившимъ вѣрой и правдой своему господину,—качество, рѣдко встрѣчающееся среди нѣмецкихъ вольнонаемниковъ. Онъ былъ весьма аккуратенъ въ денежныхъ дѣлахъ,

и поэтому кушцы охотно давали ему займы деньги за небольшие проценты всякій разъ, когда онъ въ нихъ нуждался.

Вотъ этотъ-то Гульфарто влюбился какъ-то въ одну очень красивую даму, по имени Амброджіа, жену его хорошаго знакомаго и пріятеля Гаспаруоло Сагастраччо, богатаго миланскаго кушца. Онъ такъ тщательно скрывалъ свою любовь, что ни мужъ, никто другой о ней не подозрѣвали. Однажды, замѣтивъ, какъ ему казалось, что дама не чувствуетъ къ нему особой антипатіи, онъ заговорилъ съ ней о своей страсти, умоляя ее отвѣтить ему взаимностью и обѣщая заслужить ея благосклонность, ради которой готовъ сдѣлать все, что ей угодно. Красавица послѣ многихъ отговорокъ согласилась, наконецъ, пойти навстрѣчу его желаніямъ съ тѣмъ условіемъ, что онъ будетъ хранить это въ строжайшей тайнѣ и дать ей двѣсти золотыхъ, въ которыхъ она теперь очень нуждается.

Гульфарто былъ такъ возмущенъ продажною Амброджіи, что любовь его сразу обратилась въ ненависть, и онъ рѣшилъ ее обмануть. Онъ сказалъ алчной женщинѣ, что согласенъ исполнить ея желаніе, что хотѣлъ бы быть богаче, чтобы имѣть возможность предложить ей гораздо ббльшую сумму, и что ей остается только назначить время свиданія, когда онъ вручитъ просимую сумму. Онъ обѣщалъ также никому не говорить объ этомъ, кромѣ одного единственнаго друга, отъ котораго у него нѣтъ тайнъ и который повсюду его сопровождаетъ. На скромность этого пріятеля можно вполне положиться. Презрѣнная женщина сообщила ему, что мужъ ея въ скоромъ времени уѣзжаетъ въ Геную и что въ день его отъѣзда она не применеть за нимъ послать.

Гульфарто посрѣшилъ отправиться къ Гаспаруоло.

— Мнѣ нужно, — сказалъ, — двѣсти золотыхъ и вы меня крайне обяжете, если дадите мнѣ эту сумму на тѣ же проценты, что и всегда.

Гаспаруоло охотно исполнилъ его просьбу и тутъ же отсчиталъ къ великому его удовольствію двѣсти золотыхъ.

Черезъ нѣсколько дней купецъ уѣхалъ въ Геную. Тотчасъ же жена его послала за Гульфарто, напомнивъ ему, чтобы онъ не забылъ захватить обусловленную сумму. Гульфарто, которому было важно вручить деньги при свидѣтеляхъ и который боялся, что застанеть ее одну, — взялъ съ собой одного изъ друзей и сказалъ дамѣ въ присутствіи послѣдняго, а также приказчика мужа, случайно оказавшагося тамъ же: «сударыня, будьте добры передать вотъ эти двѣсти золотыхъ вашему мужу, когда онъ вернется».

Амброджію, не подозрѣвая здѣсь никакой задней мысли, взяла деньги, предполагая, что онъ говоритъ такъ для отвода глазъ.

Она отвѣтила, что непременно отдастъ деньги, какъ только мужъ вернется.

— Посмотримъ, однако, — прибавила она, — вѣрно ли вы считали.

Она положила деньги на столъ, пересчитала ихъ и убѣдившись, что сумма вѣрна, спрятала ихъ въ мѣшокъ. Затѣмъ она шепнула Гульфарту, чтобы онъ незамѣтно прошелъ въ спальню.

Щеголь не ограничился этимъ визитомъ, и еще много разъ раздѣлялъ съ Амброджіо ея ложе во время отсутствія мужа.

Когда послѣдній вернулся, Гульфарту воспользовался моментомъ, когда и мужъ и жена были дома, и пришелъ къ нимъ въ сопровожденіи своего друга.

— Гаспаруоло,—сказалъ онъ мужу послѣ обычныхъ привѣтствій,— двѣсти золотыхъ, которые вы одолжили мнѣ до вашего отъѣзда, мнѣ не понадобились и я возвратилъ ихъ въ день вашего отъѣзда вашей супругѣ, которая ихъ тутъ же пересчитала. Поэтому будьте добры спишите ихъ съ моего счета.

Мужъ, обернувшись къ Амброджіо, спросилъ ее, получила ли она деньги?

Та, видя предъ собой свидѣтеля, присутствовавшего при передачѣ двухсотъ золотыхъ, не могла этого отрицать и сослалась на свою плохую память, изъ-за которой она не сказала своевременно мужу о полученіи долга.

— Будьте спокойны,—сказалъ тогда Гаспаруоло,—я сегодня же отмѣчу вашу уплату въ книгахъ.

Послѣ этого Гульфарту ушелъ, очень довольный, что ему удалось такъ наказать свою жадную любовницу и воспользоваться ея продолжительными ласками, не заплативъ за это ни гроша.

Можете себѣ представить, какъ эта уловка разстроила корыстолюбивую женщину!

Новелла II.

Варлунгскій патеръ.

Варлунгскій патеръ вступаетъ въ связь съ крестьянкой Бельколоре. Онъ сставляетъ ей въ залогъ накидку и проситъ одолжить ему ступку. Возвративъ черезъ нѣкоторое время ступку, онъ требуетъ накидку, будто бы оставленную въ обезпеченіе. Крестьянка, ругая его, вынуждена возвратитъ накидку.

Всѣ были въ восхищеніи отъ продѣлки, которую Гульфарто учинилъ съ жадной миланкой. Смѣхъ еще не прекратился, когда королева кинула нѣжный взглядъ на Памфило и приказала ему продолжать, и тотъ поспѣшилъ повиноваться, начавъ такъ:

— Милыя дамы! Я хочу разсказать вамъ исторію про одного изъ тѣхъ лицъ, которыя ничего не отпускаютъ безвозмездно, я подразумѣваю здѣсь нашихъ патеровъ: они громятъ нашихъ женъ и отпускаютъ имъ грѣхи лишь тогда, когда тѣ соглашаются согрѣшить съ ними. Мы же, бѣдные міряне, не можемъ отплатить имъ той же монетой. Вы сейчасъ услышите про забавное приключеніе одного патера и убѣдитесь, что духовнымъ не слѣдуетъ довѣряться.

Въ деревнѣ Варлунго, которая, какъ вы знаете, находится недалеко отъ Флоренці, жилъ нѣкогда патеръ. Онъ былъ цвѣтущаго здоровья и большой охотникъ до женщинъ. Этотъ добрый пастырь, который умѣлъ съ трудомъ читать, обладалъ за то большимъ талантомъ развлекать своихъ овечекъ, собирая ихъ по воскресеньямъ подъ тѣнью развѣсистаго вяза и забавляя интересными разсказами и прибаутками. Въ отсутствіе мужей, онъ посѣщалъ ихъ женъ, которымъ давалъ свое благословеніе, принося то сласти, то святую воду, а иногда кусочки свѣчей.

Среди крестьянокъ, къ которымъ онъ благоволялъ, ему особенно приглянулась жена одного крестьянина, извѣстнаго подъ именемъ Бонтевиенне

ди Маццо: звали ее Бельколоре,—это была высокая, плотная, свѣжая брюнетка. Она была лучшей танцовкой, чудно пѣла, отлично играла на бубнахъ и, кромѣ того, отличалась неистощимымъ остроуміемъ.

Патеръ такъ въ нее влюбился, что совсѣмъ потерялъ голову. Онъ по цѣлымъ днямъ разгуливалъ подлѣ ея домика, въ надеждѣ увидѣть красотку.

Когда онъ зналъ, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, что она въ церкви, онъ пѣлъ съ величайшимъ стараніемъ, чтобы убѣдить ее, что онъ большой любитель музыки, и давалъ своему голосу покой, когда зналъ, что ея нѣтъ. Однако, несмотря на свою пылкую страсть, онъ сумѣлъ такъ держать себя, что ни мужъ и ни сосѣди не догадывались о любви, которая его терзала.

Чтобы покорить сердце Бельколоре, онъ не переставалъ преподносить ей мелкіе подарки, посылая ей то пучекъ свѣжаго чеснока, то корзиночку лука, выращеннаго въ его саду, то горошку, а иногда букетъ цвѣтовъ. Встрѣчаясь съ ней, онъ плутовски подмигивалъ, но крестьянка дѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ, и будучи очень рада, что кажется грубой, почти всегда проходила мимо не останавливаясь. Это сильно огорчало господина патера, но онъ не терялъ надежды побѣдить сдержанность красавицы.

Въ одинъ прекрасный день патеръ прогуливался съ задумчивымъ видомъ, заложивъ руки за спину, и случайно встрѣтился съ Бонтевиенне ди Маццо верхомъ на ослѣ съ разными продуктами его сада.

Онъ спросилъ крестьянина,—куда тотъ отправляется.

— Въ городъ, господинъ патеръ, и я охотно избавился бы отъ этой поѣздки, я везу эти овощи и фрукты синьору ди Бонакорри, чтобы онъ отнесся ко мнѣ милостиво, потому что, вы знаете, меня тянуть на судъ, право не знаю за что.

— Ты правильно поступаешь, сынъ мой,—сказалъ патеръ, съ трудомъ сдерживая свою радость,—да благословить тебя Господь. Возвращайся поскорѣй! Если ты случайно встрѣтишь моего помощника Лапуччо или слугу Нельфино, скажи имъ, пожалуйста, чтобы они принесли мнѣ гужики для цѣповъ!

Бонтевиенне обѣщала и продолжала свой путь.

Патеръ рѣшилъ, что теперь самый удобный моментъ отправиться къ его возлюбленной Бельколоре и попытать счастья. Онъ пошелъ прямо къ ней и воскликнулъ входя въ комнату:

— Да исполнитъ Господь благодать дому сему!

Крестьянка, бывшая въ это время наверху на сѣновалѣ, услышавъ это привѣтствіе, сказала:

— Добро пожаловать, господинъ патеръ. Куда это вы спѣшите въ такую жару?

— Я встрѣтилъ твоего мужа по дорогѣ въ городъ и зашелъ посидѣть съ тобой нѣсколько минутъ.

Бельколоре слѣзла съ сѣновала, предложила патеру стулъ и принялась чистить конопляное сѣмя, которое мужъ недавно вымолотилъ. Патеръ, пользуясь тѣмъ, что они вдвоемъ, завелъ такой разговоръ:

— Что же, моя милая, ты такъ таки рѣшила вѣчно меня мучить?

— Я? А что же я вамъ дѣлаю?

— Ты ничего не дѣлаешь, это правда, но развѣ мало того, что ты не позволяешь мнѣ дѣлать съ тобой то, что я хочу.

— А развѣ духовнымъ можно дѣлать такія вещи?

— Безъ сомнѣнія, и еще скорѣе, чѣмъ другимъ. И почему бы намъ этого не дѣлать?! Развѣ у насъ нѣтъ для этого всѣхъ данныхъ? Мы

даже болѣе ловки, потому что рѣже въ работѣ; увѣрю тебя—ты не будешь жалѣть.

— Сомнѣваюсь,—вѣдь, вы всѣ скупы какъ черти.

— Развѣ я тебѣ когда-нибудь въ чемъ-нибудь отказывалъ?! Требуй чего хочешь и будь увѣрена, что не останешься въ обидѣ. Чего тебѣ: башмачковъ, гребенку, лентъ?

— Все это у меня есть, но если вы меня такъ любите, то окажите одну услугу и я согласна на все, что вы хотите.

— Говори,—съ живостью прервалъ патеръ,—я готовъ сдѣлать все, что тебѣ будетъ приятно.

— Въ слѣдующую субботу мнѣ надо отправиться въ Флоренцію, чтобы сдать шерсть, которую я напрядла, и отдать въ починку мой станокъ; если вы мнѣ одолжите сто су, которые безъ сомнѣнія у васъ найдутся, то дадите мнѣ возможность выкупить у ростовщика мою юбку и свадебный передникъ. Посмотримъ, имѣете ли вы намѣреніе дать эту сумму: только при этомъ условіи вы получите то, что желаете.

— У меня нѣтъ съ собой такихъ денегъ, но я обещаю тебѣ дать ихъ до субботы.

— О! знаемъ мы васъ! Вы всегда много обѣщаете, да мало исполняете. Вы не проведете меня, какъ Биллиуцу, которой вы отлично воспользовались, не давъ ни гроша, и быть можетъ поэтому она и пошла по дурной дорогѣ. Если у васъ нѣтъ съ собой денегъ, то ступайте и достаньте.

— Избави меня, ради Бога, отъ необходимости тащиться по такой жарѣ. Кромѣ того, подумай, что теперь никого нѣтъ, а пока я вернусь какъ разъ кто-нибудь придетъ и помѣшаетъ. А тамъ, когда еще подвернется удобный случай?

— Напрасные разговоры,—ступайте и принесите, иначе не ждите отъ меня ничего.

Патерь вида, что она рѣшилась не сдаваться безъ вознагражденія, прибѣгъ къ послѣднему средству.

— Если ты не вѣришь моему слову, — сказалъ онъ, — то вотъ возьми въ залогъ мой плащъ.

— Посмотримъ-ка, что онъ стоитъ?

— Онъ изъ отличнаго фландрскаго сукна, вѣдь, это тройная и даже четверная ткань. Всего двѣ недѣли, какъ я купилъ его у старьевщика Этто за десять лиръ, и Бульетто, понимающій, какъ тебѣ извѣстно, въ этомъ толкъ, увѣряетъ, что онъ стоитъ пятнадцать.

— Врядъ-ли это такъ, но такъ и быть я его беру. Посмотримъ, человекъ ли вы слова?!

Патерь, котораго обуяла страсть, снялъ свой плащъ: Бельколоре заперла его въ сундукъ и сказала:

— Пойдемъ въ гумно, тамъ насъ никто не увидитъ.

Патерь оставался съ крестьянкой довольно продолжительное время и затѣмъ вернулся домой въ простой сунанъ, какъ будто со свадьбы. Тутъ онъ сталъ раздумывать о ничтожномъ доходѣ, который имѣетъ со своего прихода, раскаиваться въ томъ, что оставилъ плащъ, и придумывать способъ вернуть его, не уплативъ обусловленной суммы, которую онъ врядъ-ли можетъ собрать со своихъ прихожанъ за цѣлый годъ. Наконецъ, благодаря своей хитрости и недобросовѣстности, онъ нашелъ исходъ.

На слѣдующій день былъ праздникъ; онъ послалъ сына одного изъ сосѣдей къ Бельколоре съ просьбой одолжить ему мраморную ступку,

такъ какъ у него сегодня приглашены на обѣдъ гости. Крестьянка охотно исполнила его просьбу.

Черезъ два дня въ то время, когда Биеневенте садился съ женой за обѣдъ, онъ послалъ своего клирика со ступкой.

— Господинъ патерь,—сказалъ наученный клирикъ,—приказалъ передать вамъ свою благодарность и просить возвратить плащъ, который мальчикъ оставилъ въ залогъ за ступку.

Бельколоре, возмущенная этимъ требованіемъ, хотѣла что-то отвѣтить, но мужъ перебилъ ее и сказалъ съ сердитымъ видомъ:

— Это что за новости! Какъ ты смѣешь брать залогъ съ патера? Право, ты заслуживаешь, чтобы я надавалъ тебѣ пощечинъ, дабы научить тебя, какъ поступать съ нашимъ почтеннымъ патеромъ. Отдай сію минуту плащъ и никогда не спрашивай съ него залога, даже если бы онъ попросилъ нашего осла.

Бельколоре съ ворчаніемъ поднялась съ мѣста, достала плащъ изъ сундука и, отдавая его клирику, сказала:

— Прошу, со своей стороны, передать патеру, что если онъ такъ поступаетъ, то никогда больше не увидитъ моей ступки.

Клирикъ исполнилъ порученіе и передалъ слова крестьянки.

— Отлично,—отвѣтилъ патерь,—можешь сообщить Бельколоре, когда ее увидишь, что если она не одолжитъ мнѣ своей ступки, то я не дамъ ей своего песта; оно на одно и выйдетъ.

Биеневенте не обратилъ вниманія на слова жены, предполагая, что она сказала это съ досады за его упреки.

Что касается Бельколоре, то она долго сердилась на патера, но благодаря сбору винограда все уладилось. Онъ подарилъ ей боченокъ новаго вина и мѣрку каштановъ и снова снискалъ, такимъ образомъ, ея симпатію. Съ тѣхъ поръ они жили въ добромъ согласіи, часто посѣщали гумно и такъ осторожно вели себя, что никто не подозрѣвалъ ихъ связи.

Новелла III.

Волшебный камень.

Каландрино, Лебруно и Булфамакко идут на рѣчку Муньоне искать драгоценный камень геліотропъ. Каландрино, думая, что нашелъ его, возвращается домой, нагруженный камнями. Жена его бранить, а онъ раздраженный бьетъ ее и рассказываетъ своимъ друзьямъ о томъ, что они знаютъ лучше его.

Когда новелла Памфило, надъ которой всѣ много хохотали, была окончена, королева приказала Элизѣ приступить къ своей, и та начала такъ:

— Не знаю, дорогія подруги, понравится ли моя новелла, столь же правдивая сколь и занимательная, какъ новелла Памфило. Во всякомъ случаѣ, я сдѣлаю все возможное, чтобы васъ позабавить.

Въ нашей прекрасной Флоренціи, которая, какъ извѣстно, изобилуетъ самымъ разношерстнымъ населеніемъ, жилъ недавно живописецъ, по имени Каландрино. Человѣкъ онъ былъ простой и въ высшей степени наивный. Онъ былъ почти всегда въ обществѣ двухъ художниковъ, Лебруно и Булфамакко, очень веселыхъ, но умныхъ и хитрыхъ людей, которые встрѣчались съ Каландрино, чтобы посмѣяться надъ его простотой.

Въ это время въ Флоренціи жилъ молодой человѣкъ, по имени Мазо дель Саджіо, большой шутникъ и охотникъ до всякаго рода проделокъ. Услыхавъ о наивности Каландрино, онъ рѣшилъ позабавиться, устроивъ ему какую-нибудь штуку или заставивъ повѣрить въ какую-нибудь небылицу. Однажды, онъ встрѣтилъ Каландрино въ церкви св. Іоанна, гдѣ художникъ былъ занятъ осматриваніемъ различныхъ картинъ и скульптурныхъ украшеній, недавно помѣщенныхъ надъ алтаремъ. Этотъ случай

показался Мазо весьма благопріятнымъ для его продѣлки, и вотъ онъ посвящаетъ въ свои планы одного пріятеля и приближается вмѣстѣ съ нимъ къ Каландрино. Сперва они дѣлаютъ видъ, будто его не замѣчаютъ, и начинаютъ бесѣдовать о чудесномъ свойствѣ извѣстныхъ камней: Мазо говоритъ при этомъ съ видомъ тончайшаго знатока. Каландрино сталъ прислушиваться къ дружеской бесѣдѣ, которая велась довольно громко и, заинтересовавшись, подошелъ къ Мазо; этого только имъ и надо было. Пріятели продолжали начатый разговоръ и Каландрино спросилъ, гдѣ находятся эти волшебные камни.

Мазо отвѣчалъ съ серьезнымъ видомъ, что ихъ можно найти въ Берлицовѣ, городѣ Басковъ, расположенномъ въ Бенгодинской области, гдѣ виноградныя лозы подвязываются къ тычинамъ сосисками, а гуся покупаютъ за деньги и даютъ въ придачу гусенка. Тамъ есть большая гора изъ тертаго пармезана, на которой живутъ люди, занимающіеся исключительно изготовленіемъ макаронъ и марципановъ. Затѣмъ ихъ жарятъ въ софѣ изъ каштановъ и кидаютъ съ горы: кто сколько поймаетъ, тотъ и получаетъ. У подножія же этой горы протекаетъ ручеекъ изъ тончайшаго вина, безъ примѣси воды.

— Вотъ такъ страна!—воскликнулъ Каландрино.—Но скажите, пожалуйста, что же потомъ дѣлаютъ съ каштанами?

— Какъ что?! Баски ихъ съѣдаютъ.

— А вы сами были тамъ когда-нибудь?

— Вотъ вопросъ! Да я тамъ былъ, можетъ быть, тысячу разъ.

— Что же это далеко отсюда?

— Больше тысячи миль.

— Значитъ еще дальше Абруссовъ?

— Конечно.

Каландрино видя, что Мазо говоритъ совершенно серьезно, ни на минуту не усомнился въ истинѣ его словъ.

— Это слишкомъ далеко для меня,—продолжалъ онъ,—иначе я непременно хотъ разокъ собрался бы туда съ вами, чтобы взглянуть, какъ дѣлаютъ эти макароны, да захватить съ собой изрядное количество ихъ. Но скажите, пожалуйста, можно ли найти въ этой удивительной странѣ тѣ камни, о которыхъ вы только что говорили.

— Конечно, ихъ есть тамъ два сорта. Одинъ сортъ—это жерновой камень изъ Сеттиньяно и Монтиши, обладающій свойствомъ дѣлать муку будучи поставленъ на мельницы. Не даромъ тамъ существуетъ поговорка, что милости исходятъ отъ Бога, а жернова изъ Монтиши. Эти жернова находятся въ той странѣ въ такомъ изобиліи, что жители такъ же мало интересуются ими, какъ и изумрудами, которыхъ тамъ есть цѣлыя горы повыше горы Морелло, и они такъ сверкаютъ и горятъ, что темной ночью тамъ совершенно свѣтло. Кромѣ того, если кому удастся вставить такой жерновъ въ кольцо, прежде чѣмъ его выломаютъ, и

увезти его къ себѣ, то онъ можетъ быть увѣренъ въ исполненіи всѣхъ своихъ желаній. Другой сортъ камня, который мы называемъ гелиотропомъ, обладаетъ свойствомъ дѣлать невидимымъ того, кто его на себѣ носитъ.

— Надо сознаться, — сказала Каландрино, — что это замѣчательная страна. Будьте добры, — продолжалъ онъ, — скажите, можно ли еще гдѣ-нибудь найти камни второго сорта.

— Они встрѣчаются также въ Тосканѣ, на рѣчкѣ Муньоне.

— А какого они цвѣта и какой величины?

— Они разной величины, а цвѣтъ ихъ, большей частью, черноватый.

Каландрино старательно запомнилъ все, что Мазо говорилъ о камняхъ, и строя различные планы на тотъ случай, если онъ ихъ найдетъ, рѣшилъ отправиться на поиски. Не желая, однако, ничего предпринимать безъ своихъ друзей Лебруно и Булфамакко, онъ бросился ихъ отыскивать, чтобы сообщить свое открытіе и планы. Пробѣгавъ по городу все утро, онъ узналъ, наконецъ, что они работаютъ въ женскомъ монастырѣ въ Фаенцѣ, и отправился къ нимъ, забросивъ все свои текущія дѣла.

— Друзья мои, — сказалъ онъ, — если вы согласитесь довѣриться мнѣ, то мы станемъ самыми богатыми людьми во Флоренціи. Я узналъ отъ одного человѣка, заслуживающаго полного довѣрія, что въ Муньоне находится камень, который обладаетъ удивительнымъ свойствомъ: всякій, кто его носитъ на себѣ, становится невидимкой, и вотъ я предлагаю, не откладывая, отправиться туда; увѣряю васъ, что мы его найдемъ, потому что я знаю все его примѣты. Когда же мы его найдемъ и спрячемъ въ карманъ, то кто помѣшаетъ намъ отправиться къ любому изъ банкировъ, конторы которыхъ всегда полны дукатами, и наполнить ими наши кошельки. Такимъ образомъ, мы разбогатѣемъ въ очень короткій срокъ и намъ ужъ не нужно будетъ день деньской размалевывать эти стѣны и лазать по нимъ, какъ улитки.

Лебруно и Булфамакко, слыша эти наивныя рѣчи, насилу удержались отъ смѣха, но не показали вида, такъ какъ хотѣли продлить свою забаву. Сдѣлавъ удивленные лица, они похвалили его проектъ, послѣ чего Булфамакко спросилъ его, какъ называется этотъ удивительный камень. Каландрино, столь же одаренный памятью, какъ и разсудкомъ, успѣлъ уже позабыть названіе камня.

— Не все ли равно, какъ онъ называется, — сказалъ глупецъ, — самое главное, что мы знаемъ его свойство и можемъ его использовать. Я его знаю и этого вполне достаточно. Если вы мнѣ вѣрите, то мы сейчасъ же отправимся на поиски.

— А каковъ онъ на видъ? — спросилъ Лебруно.

— Они различной величины, но большинство черноватаго цвѣта. Дабы не обмануться, мы будемъ собирать все камни приблизительно

такого отбѣнка, пока, наконецъ, не найдемъ настоящаго. Пойдемте же, друзья мои, не будемъ терять времени.

— Терпѣніе, мой милый,—сказалъ Лебруно. Обернувшись за симъ къ своему товарищу, онъ продолжалъ:—Нашъ другъ разсуждаетъ вполнѣ разумно, но мнѣ кажется, что теперь неподходящее время для такихъ поисковъ: солнце стоитъ высоко и камни обсохли и все будутъ казаться бѣлыми. Кромѣ того, сегодня рабочій день и мы можемъ тамъ встрѣтить людей, которые увидятъ, что мы что-то ищемъ, и догадаются, начать сами искать и, пожалуй, будутъ счастливые насъ—тогда все наши труды пропадутъ. Отложимъ лучше нашу экскурсію на утро, кстати завтра праздникъ.

Булфамакко согласился съ мнѣніемъ Лебруно, и Каландрино также пришлось послѣдовать его примѣру. Онъ убѣдительно просилъ ихъ никому объ этомъ не говорить, такъ какъ ему передали по секрету. Въѣстъ съ тѣмъ, онъ сообщилъ имъ все, что слышалъ о землѣ Басковъ, увѣряя, что все это суцая правда.

Съ восходомъ солнца Каландрино былъ уже на ногахъ. Онъ побѣждалъ разбудить своихъ друзей, которые тотчасъ же были готовы. И вотъ все трое отправились спозаранку черезъ ворота Санъ-Галло и прибыли рано утромъ къ Муньоне. Каландрино, сгоравшій желаніемъ найти волшебный камень, шагаль впереди, идя то съ одной, то съ другой стороны и поспѣшно подбирая все встрѣчавшіеся на пути черные камни. Лебруно и Булфамакко слѣдовали за нимъ и, чтобы не возбуждать подозрѣнія, также подбирали нѣкоторые камни.

Когда нашъ глупецъ наполнилъ свои карманы, назуху и плащъ, Лебруно, замѣтивъ, что приближается обѣденное время, спросилъ, заранѣе уговорившись, своего товарища.

— А гдѣ же Каландрино?

Булфамакко, видѣвшій подлѣ себя Каландрино, сталъ поворачивать голову во все стороны, какъ бы ища его и, дѣлая видъ, что никого не видитъ, отвѣтилъ:

— Право не знаю, онъ вѣдь, только что былъ подлѣ насъ.

— Какъ только-что?—возразилъ Лебруно.—Я убѣжденъ, что онъ значитъ вернулся домой и что воспользовавшись тѣмъ, что мы углубились въ исканіе камня, онъ отправился обѣдать, оставивъ насъ здѣсь въ дуракахъ.

— И отлично сдѣлалъ,—замѣтилъ Булфамакко,—что подшутилъ надъ нашей глупой довѣрчивостью. И въ самомъ дѣлѣ, какимъ надо быть дуракомъ, чтобы искать здѣсь камни, которые дѣлають его владѣльца невидимымъ?!

Каландрино, съ восторгомъ слушая эту бесѣду и не сомнѣваясь въ томъ, что онъ нашелъ талисманъ, рѣшилъ удалиться, не говоря ни слова. И вотъ повернувшись къ нимъ спиной онъ направился въ городъ.

— Что мы будемъ здѣсь дѣлать?—продолжалъ Булфамакко,—не послѣдовать ли намъ его примѣру?

— Пойдемъ,—сказаль Лебруно,—но въ другой разъ нашъ другъ ужъ меня не проведеть, будь увѣренъ; я возмущенъ шуткой, которую онъ съ нами сыгралъ! Если бы онъ былъ еще здѣсь, я запустилъ бы ему въ пятки вотъ этотъ камень. При этихъ словахъ, онъ запустилъ огромный камень прямо въ ноги Каландрино. Последній почувствовалъ сильную боль, высоко вздернулъ ушибленную ногу, но не сказалъ ни слова и только быстрѣе зашагалъ. Булфамакко беретъ другой камень и, показывая его Лебруно, говорить:

— Я увѣренъ, что этотъ негодяй надсмѣялся надъ нашей простотой. Если бы онъ былъ здѣсь, я вѣшилъ бы ему этотъ камешекъ въ спину. Говоря это, онъ швырнулъ камень въ указанное мѣсто. Такъ они слѣдовали за нимъ, швыряя въ него камни всю дорожку отъ Муньоне вплоть до воротъ Санъ-Галло. Здѣсь они побросали камни, поспѣшили къ стражѣ и попросили ее сдѣлать видъ, будто она не замѣчаетъ Каландрино, когда тотъ пройдетъ черезъ ворота. Глупецъ, видя, что его не окликнули, былъ въ восторгѣ. Онъ направился прямо домой. Когда онъ шелъ вдоль набережной, случайно никто изъ прохожихъ не заговорилъ съ нимъ, хотя онъ былъ нагруженъ какъ мулъ; правда, былъ обѣдненный часъ и на улицѣ почти никого не было. Но, къ несчастью его, жена, Тесса, стояла въ это время на крыльцѣ. Какъ только онъ показался, она накинулась на мужа за то, что тотъ заставилъ ее такъ долго дожидаться.

— Гдѣ тебя черти носили? Всѣ люди ужъ отобѣдали, а ты только возвращаешься домой! И за что только судьба наградила меня такимъ муженькомъ?!

Каландрино понялъ по ея словамъ, что пересталъ быть невидимкой, и считая ее виновницей этого, пришелъ въ страшную ярость.

— Ахъ, ты подлая женщина!—воскликнулъ онъ,—чего ты тутъ торчишь? Ты испортила все дѣло, но ты за это заплатишь.

И высыпавъ на полъ всѣ камни, онъ бросился съ бѣшенствомъ на жену, схватилъ за волосы, повалилъ на землю и началъ ее колотить кулаками и топтать ногами до полусмерти, несмотря на мольбы и извиненія молодой женщины.

Булфамакко и Лебруно, нахохотавшись вдоволь со стражникомъ надъ безуміемъ ихъ товарища, отправились тихими шагами, держась на приличномъ разстояніи отъ Каландрино.

Подойдя къ его дому и услышавъ, что онъ бьетъ жену, они окликнули его. Каландрино весь въ поту, красный и утомленный, взглянулъ въ окно и просилъ ихъ зайти. Пріятели, дѣлая видъ, что сердиты, поднялись наверхъ. Увидѣвъ на полу цѣлую грудку камней, а въ углу жену съ растрепанными волосами, всю въ синякахъ и въ слезахъ, спросили:

— Что все это значитъ, Каландрино? Вы поступили въ каменьчики что ли, что у васъ столько камней и вы бьете свою жену. И затѣмъ обернувшись къ несчастной, которая громко стонала, Лебруно

продолжалъ: вы, вѣроятно, мстите женѣ за шутку, которую разыграли надъ нами? Что означаетъ ваше безумное поведеніе?

Каландрино, сидя на стулѣ, измученный тяжелой ношей и расправой съ женой и потрясенный утратой волшебнаго камня, не могъ отвѣтить ни слова.

Булфамакко, видя, что онъ молчитъ, и дѣлая видъ, будто не можетъ больше скрывать своего негодованія, продолжалъ:

— Если у тебя были непріятности, то зачѣмъ же обрушивать свою досаду на насъ, оставивъ однихъ какъ дураковъ на берегу Муньоне, куда ты насъ завлекъ обманнымъ образомъ. Съ твоей стороны было очень

не хорошо вернуться домой, не сказавъ намъ ни слова. Можешь быть увѣренъ, что впередъ насъ не проведешь.

Каландрино, собравъ остатокъ силъ, отвѣтилъ:

— Друзья мои, не сердитесь, все это совсѣмъ не такъ. Я самый несчастный человекъ. Я нашелъ волшебный камень, о которомъ вамъ говорилъ, доказательствомъ этого можетъ служить то, что въ то время какъ вы меня искали, я былъ въ десяти шагахъ отъ васъ.

И онъ имъ разсказалъ все, что они и сами хорошо знали, не забывая упомянуть объ ударахъ, полученныхъ въ спину и ноги.

— Мало того,—продолжалъ онъ,—стража, которая опрашиваетъ всякаго входящаго въ городъ, хотя бы съ маленькой котомкой, пропустила меня безъ словъ, хотя я былъ нагруженъ камнями, и вообще за всю дорогу меня никто не видѣлъ и не окликалъ. Но когда я пришелъ домой, это проклятое отродье вышла мнѣ на встрѣчу, она увидѣла меня, разрушивъ этимъ все мои надежды. Вѣдь вы знаете бабій взглядъ—отъ него пропадаетъ всякая сила!

— Я считалъ себя счастливецомъ, а теперь достоинъ только сожалѣнія. Я, конечно, разсердился и принялся ее тизать и не знаю, кто мнѣ помѣшаетъ снова взяться за нее. Да будетъ проклятъ тотъ часъ, когда я ее увидѣлъ впервые!

И вновь пришедши въ ярость, Каландрино опять на нее кинулся, но друзья удержали его. Они дѣлали удивленные лица во время разсказа Каландрино и подтверждали справедливость его словъ. Съ трудомъ сдерживая свой смѣхъ, они стали успокаивать его и убѣждать, что тутъ виновата не жена, а онъ самъ, потому что онъ зналъ порчу женскаго глаза и слѣдовательно долженъ былъ предупредить жену, чтобы она въ этотъ день не показывалась ему. Если же произошла неудача, то это возмездіе свыше за то, что онъ скрылъ находку отъ товарищей.

Наконецъ послѣ долгихъ усилій имъ удалось примирить его съ женой. Послѣ этого друзья удалились, оставивъ Каландрино, глубоко огорченнаго посреди груды камней.

Н о в е л л а IV.

фіезольскій патеръ.

Патеръ фіезольской церкви влюбленъ въ одну вдову, которая его не любитъ. Онъ вступаетъ въ связь съ ея служанкой, принимая ее за госпожу. Братья вдовы приводятъ епископа, который застаётъ патера на мѣстѣ преступленія.

Послѣ новеллы Элизы, которая доставила обществу большое удовольствіе, королева обратилась къ Эмилиі и приказала ей продолжать.

— Всякому изъ васъ, мои дорогія, извѣстно,—начала молодая дама,—что Фіезоле, гора котораго видна отсюда,—одинъ изъ старѣйшихъ городовъ Италіи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, тамъ жила подлѣ собора одна вдова дворянина, по имени Пикарда. Скромныя средства заставляли ее жить почти безвыѣздно въ этомъ городкѣ, въ небольшомъ домикѣ. Она жила тамъ вмѣстѣ съ двумя братьями, пользуясь общей любовью и уваженіемъ.

Вдовушка была молода, симпатична и красива и поэтому могла еще нравиться. Она каждый день посѣщала церковь и вотъ въ нее влюбился соборный патеръ. Черезъ нѣкоторое время онъ признался вдовѣ въ своихъ чувствахъ и умолялъ ее отвѣтить взаимностью на его нѣжную любовь. Хотя патеръ былъ уже человѣкъ не молодой, но онъ не отличался ни разсудительностью, ни нравственностью. Его самонадѣянность и дерзость являлись для женщинъ невыносимыми, и никогда мужчина не дѣлалъ предложенія дамѣ такимъ непріятнымъ образомъ. Словомъ, у него былъ такой скверный характеръ и такая отталкивающая внѣшность, что ни одна женщина не могла бы его полюбить. Госпожа Пикарда вовсе не была польщена его чувствами и, если до сихъ поръ была къ нему равнодушна, то теперь его возненавидѣла. Но она была такъ же деликатна, какъ и добродѣтельна, и поэтому сочла необходимымъ смягчить

негодованіе, вызванное въ ея душѣ его объясненіемъ, и ограничилась отвѣтомъ, что она не можетъ не быть ему благодарной за его дружбу и съ удовольствіемъ предлагаетъ свою, если, конечно, въ ней нѣтъ ничего неприличнаго, что само собой понятно, если принять его духовный санъ и убѣленную сѣдиною голову.

Такой отвѣтъ не обезкуражилъ патера. Несмотря на самонадѣянность, онъ вовсе не льстил себя надеждой покорить вдову съ перваго же раза.

Онъ еще много разъ навязывалъ ей свою любовь, то письмами, то черезъ третьихъ лицъ, то при личныхъ свиданіяхъ въ церкви или у общихъ знакомыхъ. Наконецъ, вдовѣ надоѣли его приставанія и она рѣшила освободиться отъ нихъ во что бы то ни стало. Но прежде чѣмъ предпринять что-нибудь, она посовѣтовалась съ братьями и тѣ одобрили ея планъ.

Черезъ нѣсколько дней Пикарда отправилась по обыкновенію въ соборъ. Старый каноникъ поспѣшилъ къ ней, чтобы снова заговорить о своихъ гнусныхъ проискахъ. Дама встрѣтила его съ улыбкой и черезъ нѣсколько минутъ глубоко вздохнула и приняла растроганный видъ.

— Слишкомъ трудно,—сказала она затѣмъ,—чтобы неприступная крѣпость послѣ ежедневной осады въ концѣ концовъ раньше или позже не сдалась. Такъ случилось и со мной. Да, вы побѣдили мою сдержанность и я согласна быть вашей.

— Смѣю увѣрить васъ, сударыня,—возразилъ патеръ едва сдерживаясь отъ восторга,—что вы не будете раскаиваться. Что меня удивляетъ такъ это то, что вы такъ долго защищались. Ни одна женщина не оказывала мнѣ столь продолжительнаго сопротивленія, и если я не потерялъ мужества, то только потому, что былъ увѣренъ, что въ концѣ концовъ вы меня полюбите. Теперь вопросъ, гдѣ и когда мы встрѣтимся.

— Когда вамъ будетъ угодно,—сказала вдова,—у меня нѣтъ мужа, такъ что мнѣ некого бояться, но что касается мѣста, то я право затрудняюсь.

— А почему бы мнѣ не придти къ вамъ?—возразилъ старый каноникъ.

— Ко мнѣ?—это невозможно. Мой домъ не великъ, а братья почти всегда дома и у нихъ очень часто бываютъ гости. Правда, они очень рѣдко заходятъ въ мою комнату, но она рядомъ съ ихъ спальней, такъ что если принять васъ у себя, то намъ придется сидѣть впотьмахъ, не говорить ни слова и остерегаться малѣйшаго пороха. Изъ одной комнаты слышно въ другую, даже если говорятъ шопотомъ. Послѣ этого, не знаю, согласитесь ли вы сидѣть, какъ нѣмой, въ такомъ рискованномъ мѣстѣ.

— Объ этомъ не беспокойся,—на одну ночь можно рискнуть, а что касается разговорить, то они не являются необходимымъ факторомъ въ

такого рода свиданіяхъ. Мы воспользуемся твоей комнатою на завтрашнюю ночь, а тамъ поищемъ болѣе удобнаго мѣстечка.

— Будь по вашему,—сказала вдова,—но помните, господинъ патеръ, пусть все это останется втайнѣ.

— О, сударыня, будьте спокойны; слуги церкви умѣютъ молчать и я считаю себя еще болѣе скромнымъ, чѣмъ мой братъя.

Загѣмъ вдова дала ему указаніе, какъ къ ней пройти и условившись обо всемъ, они разстались.

У Пикарды была служанка, еще не старая, но самое безобразное существо, какое только можно себѣ представить. Представьте себѣ лицо въ шрамахъ, сплюснутый носъ, толстыя губы, широкій ротъ, огромные зубы, больные глаза, съ красными вѣками и черный цвѣтъ лица и вы получите слабое понятіе объ этой женщинѣ. Туловище ея вполнѣ гармонировано съ лицомъ: она была горбата и кривобока. Звали ее Чута, но вслѣдствіе ея безобразнаго носа, ее прозвали Чутище. Она была не глупа и зла, какъ это обыкновенно встрѣчается у людей съ безобразной вѣшностью.

На эту то красавицу и рассчитывала вдова. Вернувшись изъ церкви, она позвала ее и сказала:

— Если ты окажешь мнѣ одну услугу, я подарю тебѣ совсѣмъ новую сорочку.

— О, сударыня! ради сорочки я готова на все.

— Услуга заключается въ томъ, что ты должна будешь провести съ однимъ человѣкомъ ночь въ моей спальнѣ и хорошенько его приласкать, но не произносить ни слова, чтобы братъя ничего не слышали.

— Чтобы вамъ услужить, готова хоть съ десятью.

— Отлично, но только смотри не произноси ни звука, что бы тебѣ не сказалъ твой кавалеръ.

Наступила ночь, и патеръ тихонько, впотьмахъ пробрался въ комнату Пикарды, при чемъ братъя стали съ умысломъ громко говорить, чтобы дать понять патеру, что надо быть осторожнымъ и молчать. Онъ направился, какъ ему указала вдова, прямо къ постели, гдѣ его уже ждала служанка. Какъ только она раздѣлась, патеръ заключилъ ее въ свои объятія и сталъ расточать самыя нѣжныя ласки.

Служанка воспользовалась столь рѣдкимъ случаемъ и мстила за свое безобразіе жаркими поцѣлуями.

Въ то время, какъ эта парочка безмолвно проводила время, вдова сказала братьямъ:

— Я выполнила свою часть программы, теперь ваша очередь.

Послѣ этого они тихонько вышли изъ комнаты и отправились къ епископу, какъ это было условлено съ сестрой. По счастливой случайности они его встрѣтили на улицѣ. Епископу было душно въ комнатѣ и онъ пошелъ прогуляться, намѣреваясь зайти къ братьямъ и оживиться стаканчикомъ вина. Братъя очень обрадовались удачной встрѣчѣ,

вернулись съ епископомъ домой и проводили его на площадку небольшого двора, гдѣ было очень прохладно, зажгли свѣчи и угостили его отличнымъ виномъ. Пропустивъ пару стаканчиковъ и поболтавъ о разныхъ разностяхъ, епископъ хотѣлъ удалиться, но старшій братъ удержалъ его, говоря:

— Владыко! Такъ какъ вы оказали намъ честь, проведя съ нами вечеръ, то не позволите ли показать вамъ очень интересную штучку.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣчалъ епископъ.

Братья взяли по свѣчѣ и отправились въ сопровожденіи епископа и слугъ въ комнату сестры. Утомленный патеръ спалъ, несмотря на сильную жару, въ объятіяхъ уродливой женщины, которой расточалъ много ласкъ. Старшій братъ осторожно открылъ пологъ кровати и приблизивъ свѣчу, указалъ на счастливую парочку. Можно себѣ представить смущеніе патера, когда проснувшись отъ шума, онъ увидѣлъ своего епископа и многихъ постороннихъ лицъ. Чтобы скрыть свой стыдъ и страхъ, онъ зарылся съ головой въ покрывало, моля провидѣніе освободить его здоровымъ и невредимымъ изъ этого ужаснаго положенія. Епископъ сталъ сурово обличать его за гнусное поведеніе и, снявъ покрывало, приказалъ посмотреть на его любовницу. При видѣ послѣдней, его отчаянію и стыду не было границъ, онъ не могъ утѣшиться, что его такъ жестоко провели. Епископъ приказалъ ему одѣться и отправилъ его въ сопровожденіи своихъ слугъ домой, наложивъ на него суровое покаяніе.

Епископъ пожелалъ узнать, какимъ образомъ могло случиться, что патеръ согрѣшилъ съ такой безобразной женщиной, и братья рассказали, какъ все это произошло. Онъ похвалилъ ихъ за то, что они избрали такой родъ мести, вмѣсто того, чтобы обогрѣть свои руки въ крови духовнаго лица, хотя и заслужившаго смерти.

На прелата была возложена тяжелая обязанность: сорокъ дней оплакивать свой поступокъ, но позоръ, коимъ онъ покрылъ себя, заставилъ его плакать всю жизнь. Его приключеніе стало извѣстно всему городу и онъ нѣсколько мѣсяцевъ не выходилъ изъ дома, а когда затѣмъ сталъ изрѣдка показываться на улицѣ, мальчишки указывали на него пальцами и кричали ему въ слѣдъ: «вотъ молодецъ, котораго накричали съ Чутищей».

Такимъ-то образомъ Пикарда освободилась отъ назойливаго патера, а ея служанка получила новую сорочку и познакомилась съ прелестями любви, которыя вслѣдствіе ея безобразія были ею до тѣхъ поръ неизвѣстны.

Новелла V.

Панталоны судьи.

Трое молодых людей снимают во время судебного засѣданія съ маркинскаго судьи во Флоренціи панталоны.

Когда Эмилія окончила свою новеллу, всѣ начали хвалить вдову за ея остроумную выдумку. Затѣмъ королева, обратившись къ Филострато, сказала ему:

— Теперь ваша очередь.

— Я готовъ,—отвѣтилъ Филострато и началъ такъ:

— Прелестныя дамы! Новелла, которую вамъ рассказала Элиза о Мазо дель-Саджо, напомнила мнѣ про одну продѣлку, устроенную этимъ самымъ Мазо съ двумя товарищами. Хотя въ этой исторіи придется говорить о вещахъ, о которыхъ вы не привыкли слышать, и употреблять выраженія, которыя считаются неприличными, тѣмъ не менѣе эпизодъ этотъ столь забавенъ, что я рѣшаюсь его рассказать.

Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что въ нашу Флоренцію часто являются правители изъ Марки, люди безсердечные, скупые и убогіе духомъ. Они привозятъ съ собой судей и секретарей, которые скорѣе похожи на людей, взятыхъ отъ плуга или изъ сапожной мастерской, чѣмъ на окончившихъ юридическій факультетъ.

Одинъ изъ такихъ новыхъ правителей, устроившись въ нашемъ славномъ городѣ, привезъ съ собой судью, который называлъ себя Никола ди Санъ-Ленидіо и который по виду былъ скорѣе похожъ на слесаря, чѣмъ на представителя закона. Ему было поручено разбирательство уголовныхъ дѣлъ.

Какъ это часто бываетъ, что заходя въ камеру судьи, не имѣя дѣла, такъ однажды утромъ и Мазо, думая встрѣтиться съ однимъ пріятелемъ, зашелъ въ камеру, гдѣ засѣдалъ мессиръ Никола. Будучи пораженъ наружностью этого судьи, онъ остановился и осмотрѣлъ его съ ногъ до головы.

На немъ была грязная и до-нельзя заношенная зеленая шапка изъ бѣличьяго мѣха, за поясомъ—письменные принадлежности, нижняя одежда, выступавшая изъ-подъ плаща и вообще его одѣяніе совершенно не соотвѣтствовало званію судьи, которые отличаются приличной, внушающей уваженіе внѣшностью. Но особенно удивили Мазо панталоны, спущенные до половины ногъ, которыя были ясно видны черезъ распахнувшіяся полы одежды.

Этотъ видъ заставилъ Мазо забыть, для чего онъ сюда пришелъ и такъ какъ онъ любилъ позабавиться, то немедленно отправился за двумя пріятелями, Риби и Матеуццо, такими же повѣсами какъ и онъ самъ. Онъ взялъ ихъ въ камеру, чтобы показать самаго смѣшного судью, какого онъ только когда-либо видѣлъ. Когда они издали взглянули на фигуру и одежду этого представителя правосудія, то чуть не померли со смѣха, но больше всего ихъ разсмѣшили его чудовищныя панталоны.

Подойдя къ трибунѣ, они замѣтили, что подъ нее можно очень легко подползти и что доска, на которой покоились ноги судьи, треснула, при чемъ щель была настолько велика, что сквозь нее можно было просунуть руку.

Тогда у нихъ моментально явился проектъ: стащить съ него панталоны, и сговорившись, какъ это устроить, и распредѣливъ роли, они отложили свою продѣлку на завтра, потому что въ этотъ день у судьи не было достаточно публики.

На другое утро они опять пришли въ камеру, которая была на сей разъ полна народа. Матеуццо подползъ никѣмъ не замѣченный подъ трибуну, а Мазо и Риби тотчасъ же подошли къ судѣ. Они стали тянуть его съ обѣихъ сторонъ за фалды и вмѣстѣ кричать:

— Справедливость, справедливость! господинъ судья!

— Умоляю васъ возвратить мнѣ ихъ прежде чѣмъ этотъ воръ уйдетъ отсюда,—оралъ Мазо.—Онъ укралъ у меня пару сапогъ и я прошу васъ приказать, чтобы мнѣ ихъ возвратили. Всего лишь двѣ недѣли тому назадъ я самъ видѣлъ какъ онъ ихъ несъ къ сапожнику, и тѣмъ не менѣе онъ смѣетъ отпираться.

Риби, дергая судью за фалду съ другой стороны, оралъ во всю глотку:

— Не вѣрьте ему, господинъ судья,—это мошенникъ, который хочетъ выпутаться изъ этой исторіи помощью клеветы; онъ зналъ, что я приду жаловаться, что онъ укралъ у меня сумку, и нарочно пришелъ обвинять меня въ кражѣ сапогъ, дабы сбить васъ съ толку. Если вы

сомнѣваетесь въ истинѣ моихъ словъ, то я приведу вамъ свидѣльницу, сосѣдку Трекку, толстую торговку, которую знаетъ весь городъ, а также женщину, собирающую пожертвованія на храмъ Харненской Богоматери.

Мазо снова перебилъ своего пріятеля, Риби дѣлалъ съ своей стороны тоже, и оба брали изо всѣхъ силъ.

Въ то время когда судья всталъ, чтобы внимательно выслушать каждаго въ отдѣльности, Маттеуццо воспользовался удобнымъ моментомъ, просунулъ руку сквозь щель, схватилъ концы панталонъ и изо всѣхъ силъ дернулъ книзу.

Судья былъ тощъ, а штаны очень широки и поэтому они моментально свалились. Почувствовавъ, что панталоны упали, онъ хотѣлъ

закрыться плащомъ и сѣсть, но Мазо и Риби еще крѣпче тянули фалды въ стороны и кричали:

— Это гнусно съ вашей стороны, что вы отказываете мнѣ въ справедливости и не хотите меня выслушать.

— Почему вы хотите сѣсть? У насъ, во Флоренціи, принято рѣшать такія дѣла словесно, а не на бумагѣ.

И вотъ они продолжали кричать и держать его за фалды, пока вся камера не замѣтила, что у него упали штаны. Это вызвало, конечно, всеобщій взрывъ смѣха.

Риби, увидѣвъ, что всѣ достаточно захохотались, отпустилъ полу и обратился къ судѣе съ такими словами:

— Предупреждаю васъ, господинъ судья, что я буду жаловаться синдику.

Мазо сказалъ, что онъ ни къ кому не обратится, но что придетъ въ другой разъ, когда судья не будетъ такъ занятъ. Такимъ образомъ они отошли отъ трибуны и скрылись, чтобы отыскать Маттеуццо, который, воспользовавшись общей суматохой, незамѣтно выползъ изъ подъ трибуны и исчезъ.

Судья, немного очнувшись отъ неожиданности, натянулъ на себя панталоны и, не сомнѣваясь въ томъ, что сталъ жертвой насмѣшки, спросилъ, что стало съ двумя ворами. Ему отвѣтили, что ихъ и слѣдъ простылъ. Видя, что они избѣгли возмездія, онъ разразился страшнымъ гнѣвомъ и грозилъ, что узнаеть, существуетъ ли во Флоренціи обычай снимать во время засѣданія съ судьи панталоны.

Когда правитель узналъ объ этомъ случаѣ, онъ былъ сильно возмущенъ такой дерзостью, но немного успокоился, когда его друзья ему сказали, что флорентинцы поступили такимъ образомъ исключительно для того, чтобы показать ему, что вмѣсто образованныхъ честныхъ судей, онъ привезъ олуховъ, лишь бы платить имъ меньше жалованья.

Правитель понялъ, насколько основательны эти доводы, и не предпринялъ никакихъ мѣръ для розысканія виновныхъ, и вообще избѣгалъ разговоровъ по поводу этого инцидента, который не дѣлалъ ему большой чести.

Новелла VI.

Лепешки изъ имбиря.

Лебруно и Булфаманко крадутъ у Каландрино свинью и для отысканія ея подвергаютъ его испытанію, заставляя принять лепешки изъ собачьяго имбиря съ сабуромъ. Затѣмъ они принуждаютъ его откупиться подь угрозой все рассказать въ противномъ случаѣ женѣ.

Когда новелла Филострато, вызвавшая дружный смѣхъ, была окончена, королева приказала приступить къ разсказу Филоменѣ, которая начала такъ:

— Милыя подруги! Такъ какъ исторія про Каландрино и его пріятелей, Лебруно и Булфаманко, вамъ очень понравилась, я надѣюсь, что и другое ихъ приключеніе, о которомъ я сейчасъ разскажу, также васъ позабавить.

Въ виду того, что вы уже знакомы съ этими личностями, я не стану ихъ описывать, а начну прямо съ того, что у Каландрино была подлѣ Флоренці небольшая усадьба, единственное приданое, принесенное ему женой. Въ числѣ другихъ продуктовъ, онъ получалъ оттуда ежегодно жирную свинью. Въ декабрѣ передъ праздникомъ онъ обыкновенно ѣздилъ съ женой въ усадьбу, гдѣ они закалывали свинью и солили мясо. Разъ какъ-то жена была больна и ему пришлось отправиться одному. Лебруно и Булфаманко, постоянно съ нимъ встрѣчавшіеся, чтобы имѣть случай позабавиться на его счетъ,—узнали объ этомъ и тотчасъ же рѣшили его сопровождать. И вотъ подь предлогомъ, будто имъ нужно повидать мѣстнаго патера, ихъ закадычнаго друга, они отправились вслѣдъ за Каландрино.

Прибывъ къ патеру, они узнали, что Каландрино какъ разъ въ этотъ день заколѣлъ свинью. Хорошенько освѣжившись виномъ, они

отправились вмѣстѣ съ патеромъ къ Каландрино, который отлично ихъ принялъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, онъ сказалъ имъ:

— Друзья мои! Я хочу вамъ показать, что я не только художникъ, но и хороший хозяинъ.

И онъ повелъ ихъ въ чуланъ и показалъ тушу убитой имъ въ это утро свиньи.

— Я думаю ее засолить,—прибавилъ онъ,—и у меня хватитъ солонины на всю зиму.

— Ты бы ее лучше продать,—прервалъ его Лебруно.

— Для чего?

— Чтобы прокутить съ нами деньги, которыя за нее выручишь.

— А что же скажетъ жена?

— Пустяки! Тебѣ не трудно будетъ ее убѣдить, что свинью украли.

— О, нѣтъ! Я ее отлично знаю; она ни за что не повѣритъ и Богъ знаетъ, что со мной сдѣлаетъ. Кромѣ того, съ моей стороны, было бы большой глупостью пожертвовать ради удовольствія нѣсколькихъ дней тѣмъ, что можетъ послужить моей семьѣ пропитаніемъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Нѣтъ, вашъ совѣтъ никуда не годенъ.

Булфамакко и патерь поддерживали Лебруно, но ихъ краснорѣчіе разбилось въ прахъ предъ благоразуміемъ Каландрино. Единственное, чего они достигли, это приглашенія къ нему на ужинъ, но потому ли, что знали, что ужинъ будетъ не изъ обильныхъ, или по причинѣ дурного расположенія духа,—они отъ него отказались и ворча ушли.

Какъ только они очутились на улицѣ, Лебруно обратился къ своему, пріятелю Булфамакко съ предложеніемъ:

— Не украсть ли намъ ночью его свинью?

— Это было бы отлично, но какимъ образомъ?

— Объ этомъ не беспокойся, у меня есть способъ, лишь бы только онъ не перетасилъ ее въ другое мѣсто.

— Ну чтожъ, не будемъ звать!—отвѣтилъ Булфамакко,—а потомъ кутнемъ съ господиномъ патеромъ, который, если понадобится, не отстанетъ отъ компаніи. Надо намъ заняться свиньей, а то я увѣренъ, что этотъ дуракъ не сумѣетъ какъ слѣдуетъ ее засолить.

Патерь, человѣкъ не совсѣмъ безупречныхъ правилъ, не заставилъ себя долго упрашивать и вступилъ въ ихъ сообщество.

— Ну-съ, такъ какъ мы всѣ согласны,—сказалъ Лебруно,—то составимъ планъ атаки. Каландрино любитъ выпить, въ особенности на чужой счетъ, вернемся къ нему и возьмемъ его въ трактиръ. Господинъ патерь скажетъ, что насъ угощаютъ, а мы ему вернемъ за тѣмъ нашу часть расхода. Я не сомнѣваюсь, что нашъ голубчикъ напьется до чертиковъ.

Какъ только Каландрино узналъ, что патерь платитъ за всѣхъ, онъ съ радостью пошелъ въ трактиръ. Найдя вино превосходнымъ, онъ

пилъ сколько могла вмѣстить его утроба. Около полуночи компанія разошлась.

Каландрино возвратился домой, едва держась на ногахъ, и употребивъ много времени на то, чтобы открыть дверь, онъ повалился въ одеждѣ на постель, забывъ запереть ее на замокъ.

Лебруно и Булфамакко отправились оканчивать свой ужинъ къ патеру, который, чтобы подкрѣпить ихъ силы, хорошенько ихъ накормилъ. Спустилась часъ, они отправились на охоту, захвативъ съ собою всѣ инструменты для вскрытія замковъ, но имъ не пришлось ими воспользоваться, потому что двери у Каландрино оказались открытыми. Они тихонько вошли, взяли, въ то время какъ Каландрино храпѣлъ, тушу и никѣмъ не замѣченные отнесли ее къ патеру, который въ ожиданіи ихъ не спалъ.

Каландрино проснулся на другой день очень поздно. Вставши и найдя дверь открытой, онъ поспѣшилъ въ чуланчикъ, гдѣ висѣла туша. Увидѣвъ, что она исчезла, онъ остался нѣсколько минутъ недвижимъ и безмолвенъ, испустивъ только крикъ отъ неожиданности и горя. Очнувшись немного, онъ побѣжалъ къ сосѣдямъ узнать, не видалъ ли кто-нибудь вора, но никто не могъ ему ничего сказать. Тогда онъ началъ оплакивать свою несчастную судьбу, жаловаться, браниться и кричать, проливая горячія слезы.

Лебруно и Булфамакко, вставши утромъ, тотчасъ же отправились къ Каландрино, чтобы посмѣяться надъ его неудачей.

Какъ я несчастенъ, друзья мои!—сказалъ онъ со слезами на глазахъ проказникамъ, завидя ихъ издали.—Украли мою свинью.

— Молодецъ,—шепнулъ ему на ухо Лебруно,—будь хоть разъ въ жизни практичнымъ и всегда такъ говори.

— Я вовсе не хитрю, то, что я сказалъ, къ сожалѣнію, горькая истина.

— Отлично, въ особенности нужно дѣлать побольше шума, чтобы всѣ убѣдились въ этомъ.

— Будь я проклятъ, если это ложь! Говорю же я вамъ, что у меня украли тушу.

— Bravo, мой дорогой, такимъ образомъ ты добьешься того, что тебѣ повѣрятъ.

— Вы меня съ ума сведете своимъ недоувѣріемъ. Пусть меня повѣсятъ, если я лгу. У меня похитили ее, не оставивъ ни кусочка, это фактъ!

— Какъ это возможно?—прервалъ Лебруно,—мы, вѣдь, видѣли ее вчера вечеромъ въ этомъ чуланѣ. Неужели ты серьезно думаешь, что мы повѣримъ, что она исчезла.

— Не исчезла, говорю я вамъ, а украдена!

— Это басни!—воскликнулъ Лебруно.

— Какія тутъ басни, свиньи нѣтъ и я погибъ, я ни въ коемъ случаѣ не

осмѣлюсь показаться женѣ; она ни за что не повѣритъ и Богъ знаетъ, что со мной будетъ!

— Ну, если это правда,—съ серьезнымъ видомъ замѣтилъ Лебруно,—то надо сознаться, что съ тобой сыграли злую шутку, но, такъ какъ я вчера вечеромъ совѣтовалъ тебѣ продать свинью и затѣмъ сказать, что ее украли, то я и боялся, не хочешь ли ты посмѣяться надъ нами; я и теперь еще не вполне увѣренъ, что ты не имѣешь намѣренія провести насъ, какъ и всѣхъ прочихъ.

— Сколько же еще разъ мнѣ нужно клясться, чтобы вы повѣрили такой возможной вещи?! Въ концѣ концовъ изъ-за васъ я начну богохульствовать! Говорю же я вамъ и это разъ повторяю, что сегодня ночью у меня украли свинью.

— Если это такъ,—сказалъ Булфамакко,—то надо постараться ее найти.

— Но какъ же это сдѣлать?—недоумѣвалъ Каландрино.

— Надо думать,—возразилъ Булфамакко,—что не индѣйцы явились сюда ночью за твоей тушей,—очевидно это сдѣлалъ кто-нибудь изъ сосѣдей. Если бы ты могъ собрать ихъ, то я знаю способъ, какъ помощью хлѣба и сыра открыть виновнаго.

— Глупости,—сказалъ Лебруно,—я охотно вѣрю въ дѣйствительность этого средства, но укравшій будетъ настолько остороженъ, что вовсе не придетъ на испытаніе.

— Что же въ такомъ случаѣ дѣлать?—спросилъ Булфамакко.

— Надо попробовать съ лепешками изъ имбиря съ хорошимъ виномъ. Пригласимъ ихъ всѣхъ на выпивку. Они придутъ, ни о чемъ не подозрѣвая, и можно будетъ околдовать вора лепешками такъ же хорошо, какъ и сыромъ съ хлѣбомъ.

— Это отлично придумано,—замѣтилъ Булфамакко,—какъ ты думаешь, дорогой Каландрино?

— Я вамъ буду крайне обязанъ,—отвѣтилъ онъ,—если вы употребите ваши знанія для открытія вора. Мнѣ кажется, я буду на половину утѣшенъ, если узнаю, кто этотъ злодѣй.

— Чтобы оказать тебѣ услугу,—сказалъ Лебруно,—я готовъ самъ отправиться во Флоренцію и купить все необходимое, если ты мнѣ дашь на это денегъ.

Каландрино отдалъ послѣдніе сорокъ сольдовъ, съ просьбой принять всѣ возможныя мѣры.

Лебруно отправился во Флоренцію, зашелъ къ знакомому аптекарю и купилъ у него фунтъ имбирныхъ лепешекъ, затѣмъ заказалъ двѣ лепешки изъ разной пакости, смѣшанной съ сабуромъ, покрылъ ихъ сахаромъ, какъ и всѣ остальные, а для отличія сдѣлалъ на нихъ особыя помѣтки.

Затѣмъ купивъ бутылку хорошаго вина, онъ возвратился въ деревню и сказалъ Каландрино:

— Ну, дружище, все готово, пригласи-ка на утро къ завтраку всѣхъ, кого ты подозрѣваешь, а такъ какъ завтра праздникъ, то всѣ охотно примуть твое приглашеніе. Тѣмъ временемъ мы съ Булфаммако заколдуемъ лепешки и принесемъ тебѣ рано утромъ. Кромѣ того я ради тебя самъ буду раздавать лепешки и, вообще, буду говорить и дѣлать все, что нужно для успѣшнаго результата.

Приглашенные собрались утромъ передъ церковью вмѣстѣ со многими флорентинцами и окрестными жителями, пріѣхавшими провести нѣсколько дней въ деревнѣ. Лебруно и Булфаммако явились съ тарелкой лепешекъ и бутылкой вина и разставили всѣхъ въ кругъ. Лебруно, игравшій роль оратора и мага, обратился къ присутствующимъ съ слѣдующими словами:

— Господа, долженъ пояснить вамъ, почему нашъ другъ Каландрино собралъ васъ, дабы тотъ изъ васъ, съ кѣмъ можетъ случиться неприятность, не былъ бы на меня въ претензіи. Дѣло въ томъ, что у нашего славнаго Каландрино позавчера ночью украли отличную свиную тушу. Желая обнаружить вора, онъ пригласилъ васъ, чтобы каждый съѣлъ одну изъ этихъ лепешекъ и выпилъ стаканъ вина. Смѣю васъ увѣрить, что укравшій свинью не будетъ въ состояніи проглотить ее, потому что, хотя лепешка сама по себѣ очень вкусна, она ему покажется горче полыни и онъ долженъ будетъ ее выплюнуть. Если же виновный не хочетъ подвергнуться публичному посрамленію, пусть покается въ воровствѣ передъ патеромъ и тогда, конечно, мы не будемъ начинать испытанія. Что касается остальныхъ, то лепешки покажутся имъ очень пріятными, а вино—превосходнымъ. Пусть каждый справится у своей совѣсти и сообразно этому дѣйствуетъ; несомнѣнно, воръ долженъ находиться здѣсь.

Однако, всѣ присутствовавшіе изъявили готовность попробовать и вина, и лепешекъ, равно какъ и Каландрино, и все было въ полномъ порядкѣ. Лебруно началъ раздавать по очереди каждому по лепешкѣ, но дойдя до Каландрино, онъ далъ ему одну изъ двухъ специально приготовленныхъ. Тотъ пожевалъ ее нѣкоторое время, но, наконецъ, чувствуя страшную вонь и горечь, не могъ проглотить и былъ вынужденъ выплюнуть.

Всѣ наблюдали за получающимъ лепешку, чтобы увидѣть того, кто найдетъ ее горькой и выплюнетъ. Лебруно не успѣлъ еще окончить раздачу, какъ услышалъ, что Каландрино выплюнулъ лепешку. Обернувшись къ нему и убѣдившись, что это правда, онъ сказалъ:

— погоди, мой милый, быть можетъ ты сплюнулъ по какой-нибудь случайности; вотъ возьми другую,—прибавилъ онъ, самъ вложивъ ему въ ротъ лепешку.

Каландрино нашелъ ее еще болѣе отвратительною, чѣмъ первую, но стыдъ не допустилъ его выплюнуть и онъ принялся перемѣщать ее во рту, дѣлая усилія, чтобы проглотить. У бѣдняги даже показались на

глазахъ слезы и, наконецъ, не будучи въ состояніи долше терпѣть, онъ выбросилъ изъ рта лепешку.

Булфамакко, разливавшій вино, Лебруно, прекратившій раздачу лепешекъ, и все общество, распивавшее вино, вида гримасы и плеваніе Каландрино, закричали въ одинъ голосъ, что онъ самъ себя обокралъ, и многіе стали его обвинять и бранить.

Когда всё разошлось, Лебруно и Булфамакко начали его ругать.

— Такъ я и зналъ,—сказалъ Булфамакко,—что ты самъ у себя стянулъ тушу: ты хотѣлъ убѣдить насъ, что ее у тебя украли, чтобы избавиться отъ лишняго расхода на угощеніе. Будь увѣренъ, что я ни на минуту не сомнѣвался въ твоей скупости.

Несчастный Каландрино, все еще чувствующій отвратительную горечь лепешекъ, увѣрялъ, съ своей стороны, что онъ ничего подобнаго и не думалъ.

— Ну, сколько ты за нее выручилъ?—продолжалъ Булфамакко,—признавайся, дукатовъ шесть получилъ?

Каландрино былъ внѣ себя отъ досады.

— Меня увѣряли,—сказалъ Лебруно,—что ты связался здѣсь съ какой-то дѣвчонкой, ужъ не ей ли ты подарилъ тушу?.. Ты, однако, большой шутникъ и способенъ на такую продѣлку. Припомни-ка Муньоне, куда ты повелъ насъ искать черные камни и заставилъ порядочно набѣгаться; ты насъ бросилъ, увѣряя, будто нашелъ камень, сдѣлавшій тебя невидимкой, а теперь ты хочешь своими клятвами увѣрить, что у тебя украли свинью. Теперь мы ужъ знаемъ твои штуки и больше въ дуракахъ не останемся. Какъ бы то ни было мы не хотимъ понапрасну трудиться и требуемъ въ возмещеніе за хлопоты двѣ пары каплуновъ, въ противномъ случаѣ не будь въ претензіи, если мы все расскажемъ твоей женѣ.

Каландрино, вида, что пріятель упорствуютъ въ своемъ недовѣрїи, и вполне основательно боясь упрековъ и брани своей жены, которая, конечно, повѣритъ клеветѣ, отдалъ мошенникамъ четырехъ каплуновъ. Послѣ этого пріятель посолили тушу и отвезли ее во Флоренцію, не чувствуя даже угрызений совѣсти по отношенію къ несчастному Каландрино, котораго они такъ безжалостно обобрали.

Новелла VII.

Местъ влюбленнаго.

Одинъ ученый любитъ молодую вдову, она же, влюбленная въ другого, заставляетъ своего поклонника прождать ее напрасно цѣлую ночь зимой на снѣгу. Изъ мести и онъ, въ свою очередь, заставляетъ красавицу простоять цѣлый день нагою, лѣтомъ, на башнѣ подъ палящими лучами солнца.

Дамы не мало смѣялись надъ простоватымъ Каландрино, и только жалость къ этому бѣдняку, у котораго не только украли свинью, но отняли также и каплуновъ, нѣсколько умѣрила ихъ веселое настроеніе.

Королева приказала Пампинеѣ продолжать разсказъ, которая начала такъ:

— Дорогія мои собесѣдницы! Никогда не слѣдуетъ позволять себѣ издѣваться надъ ближнимъ, такъ какъ всякая продѣлка на счетъ другого можетъ вызвать мести со стороны бѣдной жертвы и одно ухищреніе посрамится другимъ. Я разскажу вамъ о приключеніи одной вдовы, которая сама пострадала вслѣдствіе своей необдуманной продѣлки.

Нѣкогда проживала во Флоренціи одна молодая дама, благороднаго происхожденія, красивая и богатая. Овдовѣвъ вскорѣ послѣ своей свадьбы, она не желала вторично вступать въ бракъ, дорожа своей свободой и независимостью. Елена, такъ звали молодую красавицу, была влюблена въ одного молодого человѣка, съ которымъ часто видѣлась, благодаря содѣйствію своей камеристки, и проводила со своимъ возлюбленнымъ не мало веселыхъ и пріятныхъ часовъ.

Въ это время во Флоренцію возвратился изъ Парижа одинъ молодой человѣкъ, по имени Реньери, долго и серьезно обучавшійся въ столицѣ Франціи, вникая въ самую суть науки, не довольствуясь только

поверхностными знаніями и не расходуясь по мелочамъ. Сограждане очень уважали Реньери за его честность, благородное происхождение и глубокую ученость. Несмотря, однако, на его серьезность и сдержанность, властное чувство любви проникло въ сердце молодого ученаго, перевернувъ всю его философію и благоразуміе, и съ особенной силой овладѣло всѣмъ его существомъ.

Однажды, онъ отправился на какое-то празднество, гдѣ встрѣтилъ красавицу Елену, одѣтую во все черное, какъ обыкновенно одѣвались вдовы того времени. Она положительно очаровала его своей наружностью, манерами и обхожденіемъ. «Счастливъ сто разъ тотъ смертный, который можетъ обладать такимъ сокровищемъ», думалъ молодой ученый. Не на минуту не теряя ее изъ вида, Реньери рѣшилъ употребить всѣ старанія, чтобы добиться вниманія очаровательной дамы, и во чтобы то ни стало заслужить ея любовь.

Молодая вдовушка, весело стрѣлявшая глазами въ окружающихъ мужчинъ, конечно, скоро замѣтила особое вниманіе къ себѣ Реньери и легко угадала чувства, волновавшія сердце молодого ученаго. Очень тщеславная и кокетливая Елена была довольна произведеннымъ впечатлѣніемъ. «Я недаромъ провела здѣсь время», шаловливо думала красавица, «глубочикъ этотъ ловко попалъ въ мои сѣти».

Предполагая, что новыя побѣды еще болѣе возвышаютъ ея красоту въ глазахъ того, кого она любила, Елена не преминула поощрить ухаживанья своего новаго поклонника, бросая на него кокетливые взгляды и давая понять, что она не пренебрегаетъ его вниманіемъ. Реньери, забывъ всякую философію и осторожность, совершенно отдался своему пылкому чувству, и узнавъ имя, общественное положеніе и адресъ предмета его страсти, сталъ ежедневно прохаживаться подъ ея окнами.

Вдовушка, довольная своей побѣдой, всячески поощряла своего поклонника. Молодой ученый познакомился съ камеристкой красавицы, рассказалъ ей о своемъ пламенномъ чувствѣ и умолялъ помочь ему завоевать сердце красавицы, суля за это содѣйствіе щедрую награду. Служанка, конечно, пообѣщала ему исполнить его желаніе, но тотчасъ же рассказала обо всемъ своей госпожѣ.

— Вотъ глупый то, — отъ души хохотала красавица! — Неужели я промѣняю на него своего возлюбленнаго! Но позабавиться на его счетъ не мѣшаетъ! — Очевидно и ученые способны дѣлать глупости, какъ и остальные смертные! Парижская ученость не спасла его отъ любви!

— Такъ послушай! — говорила она своей служанкѣ, — передай ему, что его чувство весьма льститъ мнѣ, что я готова отвѣтить на его любовь, но должна дорожить своей репутаціей и охранять свою честь, чтобы смѣло глядѣть въ глаза обществу... Ему, какъ человѣку воспитанному и ученому, должны быть вполнѣ понятны упомянутые мною мотивы, и за подобное рѣшеніе онъ долженъ еще болѣе уважать меня.

Служанка побѣжала къ Реньери и передала слова своей барыни. Такой отвѣтъ показался благопріятнымъ ошастливленному вздыхателю. Онъ удвоилъ свое вниманіе, свои мольбы, писалъ пламенные посланія и посылалъ дорогіе подарки. Все это благосклонно принималось, но въ отвѣтъ не говорилось ничего опредѣленнаго. Такъ продолжалось довольно долго. Вдовушка рассказала объ этой интригѣ своему возлюбленному, чѣмъ, конечно, возбудила его ревность. Желая доказать всю неосновательность подобной ревности, Елена съ согласія своего друга, чтобы посмѣяться надъ бѣднымъ влюбленнымъ, послала сказать Реньери, что никакъ до сихъ поръ не могла отвѣтить на его мольбы, но что ищетъ къ нему полную взаимность и проситъ его на второй день праздника Рождества въ ночь придти къ ней во дворъ, чтобы получить окончательное доказательство ея расположенія.

Влюбленный философъ былъ наверху блаженства, ну и, конечно, не преминулъ явиться на свиданіе. Служанка проводила его во дворъ и заперла тамъ въ ожиданіи красавицы. Елена же въ этотъ день позвала къ себѣ своего возлюбленнаго. За ужиномъ весело болтая и осыная его ласками, плутовка говорила:

— Дорогой мой, ты убѣдишься сегодня, насколько я интересуюсь моимъ новымъ поклонникомъ. При этомъ она сообщила, что злополучный ученый, запертый во дворѣ, тщетно дожидается ея появленія.

Снѣгъ падалъ большими хлопьями густо покрывая землю; сильно морозило. Конечности бѣднаго ученаго застывали, но сладкая надежда увидѣть предметъ своихъ пылкихъ желаній помогала ему переносить мученія холода.

Коварная вдовушка вмѣстѣ со своимъ возлюбленнымъ поглядывали въ окно на злополучнаго поклонника, сами не будучи видимы, а ея служанка въ другое окно утѣшала его и вооружала терпѣніемъ.

— Моей госпожѣ очень досадно,—такъ говорила она,—что она заставляетъ васъ такъ долго ждать и въ такомъ неудобномъ мѣстѣ, но у нея сидитъ ея братъ. Мужайтесь, какъ только она отъ него освободится, то, конечно, тотчасъ же явится къ вамъ.

— Скажи твоей госпожѣ, — отвѣчалъ, ничего не подозревавшій Реньери, — чтобы она не беспокоилась обо мнѣ. Пусть только она придетъ, когда будетъ можно, вотъ моя мольба! Я болѣе страдаю отъ нетерпѣнія, чѣмъ отъ холода.

— Видишь теперь, что я не люблю этого философа, — говорила красавица своему другу, — иначе не стала бы я его морозить на дворѣ.

Чувство ревности остыло у ея возлюбленнаго, такіе аргументы подействовали успокоительно, и примиренные влюбленные вполнѣ отдались своимъ чувствамъ, забывая о злополучномъ Реньери, который отъ холода выдѣлывалъ уморительные приурѣты! Время тянулось для него убійственно, онъ измѣрялъ дворъ своими шагами въ разныхъ направ-

леніяхъ, проклиная погоду и засидѣвагося брата вдовы. Пробыла полночь.

— А что-то съ нашимъ философомъ?—напомнила Елена своему другу.—Интересно, побѣдилъ-ли здравый смыслъ его пылкія чувства? Охладилъ ли этотъ морозъ пламя его сердца?

— Теперь я вѣрю тебѣ, моя радость,—отвѣчалъ счастливый любовникъ;—ты точно также можешь разсчитывать вполне на мою вѣрность. Слова эти сопровождались рядомъ поцѣлуевъ и нѣжныхъ ласкъ.

Оба они снова устремились къ окну поглядѣть на бѣдняка Реньери. Несчастный продолжалъ все еще выпясывать на морозѣ, прицѣлывая зубами.

— Смотри, какъ я умѣю заставляя танцовать безъ музыки господъ кавалеровъ,—смѣясь, говорила Елена своему другу.

— Восхитительно,—отвѣчалъ тотъ, заливаясь отъ смѣха.

— Сойдемъ внизъ,—продолжала красавица,—я поговорю съ нимъ, послушаемъ, что онъ скажетъ. Это насъ позабавитъ еще болѣе.

Они спустились къ выходной двери и вдовушка въ замочную скважину позвала своего поклонника. Услыхавъ ея голосъ обрадованный Реньери бросился къ дверямъ.

— Я здѣсь, сударыня,—лепеталъ онъ,—откройте мнѣ, прошу васъ, я умираю отъ холода и отъ любви.

— А я и не думала, что человѣкъ съ такимъ пламенемъ въ сердцѣ, какъ у васъ, такъ чувствителенъ къ холоду,—отвѣчала плутовка.—Вѣдь, въ Парижѣ еще холоднѣе, вы бы должны были тамъ привыкнуть. Мнѣ очень досадно, что я не могу открыть вамъ, мой противный братецъ все еще торчитъ у меня. Но надѣюсь, скоро отъ него отдѣлаться: какъ только онъ уйдетъ, тотчасъ-же впусти васъ. Я съ трудомъ право удачи минутку поговорить съ вами.

— Пріютите меня, сударыня,—молилъ философъ,—я буду ждать сколько вамъ угодно; снѣгъ такъ и валитъ, я весь занесенъ, откройте, пожалуйста.

— Никакъ не могу, мой другъ, дверь скрипитъ и при малѣйшемъ шумѣ братъ насъ накроетъ. Я теперь пойду къ нему, но утѣштесь: я скоро возвращусь.

— Спровадьте же его поскорѣе, я прямо умираю отъ холода.

— Какъ же такъ? Вѣдь, такъ недавно вы пылали отъ страсти, неужели уже пламя вашего сердца померкло?

Минуту терпѣнія — и вамъ открою. Мужайтесь, мой другъ! О, я васъ сумѣю отогрѣть, потомъ! Немножко терпѣнія и вы останетесь довольны.

Возлюбленный красавицы, слыша эти переговоры, едва удерживался отъ смѣха. Оба они снова поднялись наверхъ и остатокъ ночи прошелъ у нихъ въ веселой болтовнѣ, ласкахъ и шуткахъ по адресу бѣднаго поклонника. А этотъ послѣдній, поцѣлывая зубами и выпясывая на

морозъ, тщетно прождавъ коварную даму, понялъ, но слишкомъ поздно, что его обманули, такъ зло посмѣявшись надъ его нѣжными чувствами.

Проклиная служанку, красавицу, свою недогадливость и долгую мучительную ночь, бѣдный ученый метался по двору. Любовь его превратилась въ ненависть, и онъ обдумывалъ средства безопасной мести.

Между тѣмъ разсвѣло. Къ Реньери появилась съ утѣшеніями служанка красавицы, посланная своей госпожей.

— О, чтобъ чертъ побралъ этого братца,—сокрушенно говорила она,—по милости его и я не спала и вы замерзли. Если бы вы знали, какъ мы съ барыней жалѣли васъ, но не отчаивайтесь, въ другой разъ вамъ все несомнѣнно удастся. Повѣрьте, что моя госпожа утѣшитъ васъ и сумѣетъ вознаградить за всѣ перенесенныя мученія, какъ только будетъ возможно.

Умный Реньери не попалъ вторично въ ловушку и, понимая, что угрозами только проиграешь, не подаль вида, что догадался объ умышленной продѣлкѣ красавицы.

Онъ совершенно громко и ласково заявилъ, что не сомнѣвается въ добромъ расположеніи Елены, просилъ передать ея привѣтъ и надежду на то, что она въ скоромъ будущемъ исполнитъ свои обѣщанія.

Усталый и продрогшій онъ едва доташился къ себѣ домой и повалился въ постель, съ трудомъ отогрѣвая околѣвшее тѣло. Сонъ сковалъ его усталые члены, но проснувшись онъ ощутилъ сильную боль въ рукахъ и ногахъ, они какъ бы отнялись у него. Позвали врачей, которые отчаялись даже въ его окончательномъ выздоровленіи. Холодъ парализовалъ всѣ жилы, наконецъ, благодаря его молодости и особеннымъ усиліямъ врачей удалось, наконецъ, возвратитъ ему здоровье.

Вполнѣ оправившись, молодой ученый скрылъ свою ненависть къ обманувшей его женщинѣ и продолжалъ по прежнему разыгрывать роль влюбленного, выжидая удобнаго случая, который вскорѣ и представился. Возлюбленный вдовушки по прошествіи нѣкотораго времени охладѣлъ совершенно къ своей красавицѣ и увлекся другою. Бѣдная женщина умирала отъ тоски и отчаянія. Ея преданная служанка всячески старалась облегчить горе своей несчастной госпожи. Не зная, чѣмъ и какъ помочь въ этомъ случаѣ, она рѣшила обратиться къ Реньери, полагая, что онъ, какъ ученый и философъ, можетъ чарами колдовства вернуть вѣроломнаго друга ея барынѣ. Она сообщила свою мысль Еленѣ, которая также, не разсудивъ о томъ, что если бы Реньери умѣлъ чарами привлекать сердца, то, конечно, постарался бы для себя,—вполнѣ согласилась на эту мысль, поручая служанкѣ позвать молодого ученаго, и обѣщая ему въ награду за все, что онъ не потребууетъ.

Служанка передала Реньери приглашеніе и молодой ученый благодарилъ небо за ниспосланный ему случай отомстить коварной красавицѣ, за все зло, которое она ему сдѣлала.

— Скажи своей госпожѣ, чтобъ она успокоилась, — приказывалъ Реньери служанкѣ, — еслибъ ей другъ уѣхалъ въ Индію, то и тогда я сумѣлъ бы вернуть его. Мы заставимъ его на колѣняхъ у ней вымаливать любовь и прощеніе. Пусть только она исполнитъ все то, что я прикажу. Я такъ счастливъ сдѣлать для нея что-либо пріятное.

Служанка въ точности передала его слова. Условились встрѣтиться въ Санта Лучія дель Прото. Забывъ совершенно о злополучной ночи и о тѣхъ страданіяхъ, которыя она причинила Реньери, красавица чисто-сердечно разсказала молодому философу о своемъ чувствѣ, умоляя его помочь ей.

— Я вамъ признаюсь, сударыня, — началъ Реньери, — что въ Парижѣ кромѣ всякихъ другихъ наукъ я долго и серьезно изучилъ некроманію — науку о вызываніи душъ умершихъ. Это искусство, надо вамъ сказать, негодное Богу, и я поклялся никогда не прибѣгать къ нему, но моя безконечная пламенная любовь къ вамъ не позволяетъ мнѣ ни въ чемъ вамъ отказать. Ради васъ я готовъ спуститься въ самый адъ, и сдѣлаю все, что вы желаете, хотя долженъ предупредить, что это дѣло весьма трудное. Нужно, чтобы само заинтересованное лицо продѣлало необходимыя заклинанія, безъ страха, ночью, въ совершенно уединенномъ мѣстѣ. Не знаю, согласитесь ли вы все это продѣлать совершенно одна, безъ посторонняго участія.

Влюбленная и глупая вдовушка отвѣчала полнымъ согласіемъ, заявляя, что ея чувство настолько сильно, что ради того, чтобы возвратить любовь своего вѣроломнаго друга, она готова перенести всѣ ужасы и выполнить всѣ требованія.

— Скажите же, что я должна дѣлать? — пылко закончила она.

— Сударыня, — замѣтилъ мстительный Реньери, — я долженъ отлить изъ олова изображеніе вашего предмета. Я вамъ дамъ это изображеніе. Во время новолунія вы семь разъ выкупаетесь въ проточной водѣ, держа въ рукахъ это изображеніе, затѣмъ обнаженная и, конечно, совершенно одна заберитесь на вершину какого либо дерева или на крышу высокаго строенія; тамъ съ этимъ оловяннымъ изображеніемъ въ рукахъ оборотившись къ сѣверу, вы семь разъ произнесете заклинанія, которыя я вамъ напишу. Тогда къ вамъ явятся двѣ молодыя красивыя дѣвушки и спросятъ, что вы желаете? Вы сообщите имъ ваши желанія, остерегайтесь только, чтобъ не ошибиться въ имени. Затѣмъ, вы отправитесь въ то мѣсто, гдѣ будетъ оставлено ваше платье, одѣвшись, возвратитесь домой и еще до наступленія ночи вашъ возлюбленный явится, чтобы вымолить у васъ прощеніе.

Такъ какъ всегда легко вѣрится тому, чему хочется вѣрить, то и наша дама вполне увѣровала въ наставленія философа:

— Не сомнѣвайтесь я сдѣлаю все что вы приказываете, — вскричала красавица. — У меня есть въ виду вполне подходящее мѣсто для выполненія всѣхъ этихъ условій; вы знаете мое имѣніе на берегу рѣки въ долинѣ

Арно. Въ такое жаркое время какъ теперь выкупаться очень приятно. Невдалекѣ находится старая необитаемая башня, къ которой ведетъ узкая каштановая аллея. Я взойду на крышу этой башенки и выполню все то, что вы приказали.

Реньери вполне одобрилъ ея планъ. Философъ сфабриковалъ небольшое оловянное изображеніе и послалъ къ Еленѣ вмѣстѣ съ заклинаніями. А самъ вмѣстѣ со своимъ слугою отправился секретно на дачу одного своего пріятели, расположенную не вдалекѣ отъ уединенной башни. Вдова же въ сопровожденіи своей служанки направилась въ свое имѣніе. Наступила ночь, красавица сдѣлала видъ, что собралась спать, но когда все стихло кругомъ, она выскользнула изъ дома и направилась къ рѣчкѣ Арно. Осмотрѣвшись кругомъ и убѣдившись, что никого нѣтъ вблизи, она раздѣлась, спрятала въ кустарникъ свое платье и погрузилась въ воду семь разъ, держа оловянное изображеніе въ рукахъ. Затѣмъ продѣлавъ это, она пошла къ башнѣ.

Реньери, спрятавшійся со своимъ слугою въ кустарникъ неподалеку, видѣлъ какъ она нагая прошла мимо. Ея красивое тѣло, отливавшее своей молочной бѣлизной даже въ темнотѣ ночи, ея изящный торсъ, красота формъ, все это произвело большое впечатлѣніе на молодого философа. Сердце его билось, кровь кипѣла въ жилахъ, тумана его голову. Его неудержимо влекло къ красавицѣ. Но воспоминаніе о перенесенной обидѣ, какъ лезвіе пронизало его мозгъ, и ученый овладѣлъ собою. Жажда мести снова зародилась въ его сердцѣ, поборовъ все остальные чувства.

Дама взобралась на башню по маленькой лѣсенкѣ и обернувшись къ сѣверу стала говорить свои заклинанія. Реньери тихо подкрался и отнялъ отъ башни лѣсенку. Произнесъ семь разъ эти заклинанія, какъ и было условлено, Елена стала ждать появленія прекрасныхъ дѣвушекъ, однако; ожиданія эти были весьма продолжительны, начало свѣтать, а никто не появлялся. Прохладный воздухъ ночи давалъ себя чувствовать ея обнаженному тѣлу. Прождавъ тщетно долгое время, вдова стала сомнѣваться въ обѣщанномъ.

— Очевидно, Реньери вздумалъ отомстить мнѣ, — рѣшила она, — за ту ужасную ночь, которую онъ по моей милости провелъ на морозѣ; однако, я могу утѣшиться тѣмъ, что мои страданія не такъ велики и продолжительны какъ его. Боясь, чтобы день не засталъ ее въ такомъ видѣ и мѣстѣ, Елена рѣшила поскорѣе сойти съ башни. Но какво было ея горькое разочарованіе, когда лѣстницы болѣе не оказалось! Сердце ея замерло отъ ужаса и она безъ чувствъ свалилась на помостъ крыши. Прийдя въ себя, бѣдная женщина разразилась неутѣшными рыданіями. Не было болѣе сомнѣнія, что это было дѣло рукъ Реньери. Она горько упрекала себя въ довѣрчивости къ человѣку, котораго когда то оскорбила, жестоко посмѣявшись надъ нимъ. Въ себя отъ ужаса и отчаянія красавица озирается, ищетъ какого-либо выхода изъ своего положенія, но все напрасно — безъ лѣстницы спуститься съ башни совершенно немислимо! И снова ея жалобы раздались въ тишинѣ ночи.

— О, я несчастная! — стонала она, — что скажутъ братья, родственники, сосѣди, знакомые, когда узнаютъ, что меня нашли здѣсь, совѣтъ обнаженную? Моя репутація навсегда погибла, а я такъ заботилась о томъ, чтобъ скрыть хорошенько мои погрѣшности. Я не въ состояннн буду утаить это происшествіе. Реньери, конечно, не упуститъ случая разболтать обо всемъ случившемся! О, я несчастная! Я потеряла своего возлюбленнаго и свое доброе имя! Полное отчаяніе овладѣло красавицей, она кажется готова была броситься внизъ головой съ высокой башни, но жажда жизни и страхъ побѣдили это чувство.

Солнце взошло. Бѣдняжка тщетно озиралась кругомъ въ надеждѣ увидѣть какого-либо пастушка, котораго она могла бы послать за своей одеждой. Въ это время спавшій неподалеку Реньери проснулся и, приблизившись къ башнѣ, весело закричалъ:

— Здравствуйте сударыня, а что же молодыя дѣвицы еще не приходили?

Вдова принялась снова рыдать, умоляя его подойти ближе, чтобы имѣть возможность поговорить съ нимъ. Философъ повиновался, а вдова, бросившись ничкомъ на крышу, при чемъ изъ-за рѣшетки видна была только ея голова, обливаясь слезами, заговорила такъ:

— О, Реньери! Если бы вы знали, какъ я раскаиваюсь въ причиненной вамъ обидѣ! Послушайте, не мстите мнѣ болѣе; будьте великодушны, простите, видя мое раскаяніе. Я знаю, что не заслуживаю вашей жалости, но вы благородный человѣкъ, и не воспользуетесь своимъ преимуществомъ. Удовольствуйтесь этой местию за все зло, которое я вамъ сдѣлала, и не заставляйте страдать долѣе, пользуясь беззащитностью, одинокой женщины.

Молодой ученый одновременно ощущалъ и радость и тоску, слыша эти мольбы и заклинанія. Чувство мести было удовлетворено и радость вслѣдствіе этого наполняли его сердце, но слезы и глубокое горе жертвы все-таки возбуждали въ немъ сожалѣніе къ этому прекрасному существу. Однако жажда мести въ концѣ концовъ поборолн всѣ мягкія чувства и Реньери отвѣчалъ ей безъ всякаго снисхожденія:

— Сударыня, хотя въ ту памятную ночь, когда я мерзъ на вашемъ дворѣ, я не отягощалъ васъ своими жалобами и слезами, умоляя дать мнѣ возможность только укрыться отъ нестерпимаго холода и снѣга. Вы же, не обращая вниманія на мои муки и забывая совершенно о своей чести, смѣялись надо мной въ объятіяхъ своего друга. Теперь не думайте смягчить меня вашими слезами и льстивыми рѣчами. Снисхожденіе и жалость не имѣютъ мѣста по отношенію къ такой безсовѣтной и злой женщинѣ какъ вы. Ты такъ дорожишь своей честью, тебѣ тяжело стоять обнаженной здѣсь, такъ попроси своего друга помочь тебѣ; онъ обязанъ тебя выручить и позаботиться о твоей репутаціи, вѣдь, ты ради него не разъ подвергала се опасности, не старайся прельстить меня своей красотой и нѣжностью, береги ихъ для твоего возлюбленнаго, я слишкомъ

доволенъ той ночью, когда, овладѣваемый своей страстью къ тебѣ, до-
вѣрчиво пришелъ на дворъ твоего дома, а ты издѣвалась надо мной
вмѣстѣ съ тѣмъ, кто тебѣ такъ дорогъ. Я ненавижу тебя и пусть это
будетъ возмездіемъ тебѣ за твою черствость и злобу. Пусть твои
настоящія муки отучатъ тебя навсегда издѣваться надъ людьми достой-
ными и учеными. Ты сумѣла обмануть меня, на это у тебя нашлось
достаточно хитрости и изворотливости, такъ умѣй же теперь безъ моей
помощи освободиться изъ своего положенія. Больше мнѣ тебѣ сказать
нечего.

Красавица рыдала неутѣшно, а солнце всходило все выше и выше.

— Жестокій человѣкъ!—заговорила Елена,—если ты все еще не можешь забыть той злополучной ночи, а моя вина такъ велика въ глазахъ твоихъ, что ни моя молодость, ни слезы, ни мольбы не могутъ вызвать въ тебѣ прощенія, то хоть изъ снисхожденія къ той довѣрчивости, которую я оказала по отношенію къ тебѣ, окажи мнѣ эту милость. Я буду вѣчно тебѣ признательна; возврати мнѣ свободу и я, отказавшись навсегда отъ своего прежняго друга, своей любовью и ласками заставлю тебя позабыть нанесенную тебѣ жестокою обиду.

Философъ, желая еще болѣе насладиться своимъ мнѣніемъ и посмѣяться надъ своей жертвой, отвѣчалъ слѣдующими словами:

— Ты довѣрилась мнѣ, красавица, только ради того, чтобы снова овладѣть своимъ другомъ, а вовсе не изъ любви ко мнѣ, а потому я и не цѣню эту твою довѣрчивость, во мнѣ она вызываетъ лишь озлобленіе. Повѣрь, что кромѣ этого случая я нашелъ бы и иные способы отомстить тебѣ. Я могъ бы поставить тебѣ тысячу ловушекъ и ты несомнѣнно попала бы въ одну изъ такихъ, которая оказалась бы гораздо хуже настоящаго положенія. И даже еслибъ не одинъ изъ моихъ способовъ мести не удался, у меня есть еще мое перо, и я написалъ бы о тебѣ такъ, что ты бы прокляла судьбу свою. Это орудіе очень могущественно и только испытавъ это на себѣ можно судить о силѣ его. Богъ свидѣтель, что я могъ бы написать о тебѣ то, что окончательно опозорило бы тебя въ глазахъ окружающихъ, выставивъ тебя въ такомъ свѣтѣ, что ты предпочла бы выколоть себѣ глаза, чтобы не видѣть своего позора и униженія. Во всякомъ случаѣ, прошу никого не оставлять изъ за меня, я слишкомъ презираю васъ, чтобы желать вашей любви. Любите сколько угодно того, котораго вы такъ боялись потерять. Я его страстно прежде ненавиждь, а теперь люблю, такъ какъ онъ доставилъ мнѣ случай отомстить вамъ. Женщины, подобныя вамъ, ищутъ только наслажденій, со мной вы ихъ не получите. Вамъ, какъ заурядной личности, нужны юнцы съ здоровымъ вишнимъ видомъ, умѣющіе бойко болтать и лихо плясать. Болѣе же зрѣлые люди, медлениѣ въ своихъ движеніяхъ, но зато болѣе надежны и опыты, и эта то благонадежность и серьезность предпочтительнѣе скоро проходящаго блеска. Большинство женщинъ придаютъ болѣе всего значенія вишности, не вникая въ то,

что она часто бываетъ обманчива. Молодые люди не довольствуются одной привязанностью, постоянно гоняясь за новинками; вы и сами, сударыни, постигли это своимъ горькимъ опытомъ, они стремятся обладать всеми красивыми женщинами, встрѣчающимися на ихъ пути, и ласки и нѣжность принимаютъ какъ должное. Отсюда и происходятъ ихъ неблагодарность. Кромѣ того, они хвастаются своими побѣдами въ кругу своихъ товарищей. Если вы думаете, что ваше чувство извѣстно только вашей служанкѣ и мнѣ, такъ разочаруйтесь, онъ давно разсказалъ о вашей нѣжности своимъ друзьямъ, конечно, бѣдная жертва любви всегда узнаетъ послѣдняя о томъ, что такъ усердно распространяютъ на ея счетъ. Молодые любовники не хранятъ въ тайнѣ своихъ любовныхъ приключеній, и вы вовсе не исключеніе въ этомъ отношеніи. Такъ призовите вашего друга снова, если сможете, а мнѣ вы не нужны. Я нашелъ другую, болѣе достойную, чѣмъ вы, сумѣвшую вполне оцѣнить меня и мое чувство.

Вы можете хотѣ броситься внизъ головой и свернуть себѣ шею, это не вызоветъ во мнѣ ни жалости, ни состраданія. И поспѣшите, право, если вы хотѣ на это еще способны. Впрочемъ, не думаю, вы дорожите, вѣдь, вашей жизнью и боитесь попасть въ пасть дьявола, который будетъ васъ мучить сильнѣе меня, такъ переносите терпѣливо палачій зной солнца и если сравните его съ тѣмъ холодомъ, который я испытывалъ, такъ вы поймете, что ваша мука куда меньше нанесеннаго мнѣ оскорбленія.

— Вижу, что никакія мольбы не могутъ тронуть тебя, снова рыдая начала красавица, такъ, по крайней мѣрѣ, исполни мою просьбу ради той, которая такъ дорога тебѣ. Смилуйся надо мной ради любви своей.

— Ты сумѣла найти слабую струну моего сердца, — отвѣчалъ Реньери, — ради той, которую я люблю, я не откажу тебѣ въ твоей просьбѣ. Скажи мнѣ, гдѣ твои одежды и я принесу ихъ.

Елена повѣрила, что превозмогла его жестокость, надежда загорѣлась въ ея сердцѣ; она указала мѣсто, гдѣ было спрятано ея платье. Философъ удалился, приказавъ своему слугѣ сторожить свою жертву и не позволяя никому приближаться къ башнѣ, а самъ отправился обѣдять къ товарищу, послѣ чего сладко заснулъ.

Молодая вдова, то садилась, то ложилась, то снова вставала метаясь по крышѣ, переходя отъ надежды къ полнѣйшему отчаянію. Измученная безсонною ночью и своими душевными страданіями, она, наконецъ, заснула въ болѣе тѣнистомъ мѣстѣ, но не на долго, такъ какъ палачіе лучи солнца немилосердно жгли ея нѣжное тѣло и ея непокрытую голову; мѣстами на кожѣ ея образовались трещины, не дававшія ей покою, мучительныя и болѣзненные. Ей казалось, что ея спаденная кожа лоскутьями слѣзаетъ съ ея тѣла, голову нестерпимо ломило. Помостъ крыши такъ раскалился подъ солнечнымъ зноемъ, такъ что невозможно было стоять на одномъ мѣстѣ. Въ воздухѣ не чувствовалось ни малѣйшаго вѣтерка, вереницы мухъ и оводовъ немилосердно вонзались въ ея тѣло,

подобно тысячѣ острыхъ иглъ. Бѣдняжка проклинала свою жизнь, своего любовника, Реньери и томимая жаждой и голодомъ, тщетно искала глазами вокругъ какой-либо помощи. Но злая судьба отказала ей въ этомъ: вслѣдствіе невыносимой жары, пастухи и земледѣльцы не выходили въ поле и только трескъ кузнечиковъ нарушалъ зловѣщую тишину этого уединеннаго мѣста.

Тихія воды рѣчки Арно только болѣе еще распяляли ея жажду; она видѣла кругомъ себя крыши отдаленныхъ домиковъ и верхушки деревьевъ. Наконецъ, солнечный зной, раскаленная крыша и язвы отъ множества насѣкомыхъ привели эту бѣдную жертву мести въ такое ужасное состояніе, что дрожь пробирала при видѣ этого недавно бѣлаго тѣла, теперь на половину сожженнаго и покрытаго ранами и запекшейся кровью.

Отчаявшись во всемъ эта несчастная ожидала только смерти, какъ избавленія отъ невыносимыхъ страданій.

Тѣмъ временемъ Реньери, изрядно выпавшись, снова вернулся къ башнѣ, посмотрѣть на свою жертву, отпустивъ обѣдать своего лакея. Бѣдная измученная вдова, услыжавъ голоса, едва доползла къ борту крыши и снова стала умолять своего мучителя:

— Реньери,—говорила она, заливаясь слезами,—ты виолнѣ отомстилъ мнѣ; я заставляла тебя мерзнуть ночью, а ты заставилъ меня окончательно спалиться подъ лучами полуденнаго солнца и изнемогать отъ голода и жажды. Въ моемъ положеніи смерть—большое облегченіе, я страдаю такъ жестоко, что прошу тебя лучше убей меня; я приму смерть отъ руки твоей, какъ желанный даръ. Если ты мнѣ откажешь въ этой милости, такъ протяни мнѣ стаканъ воды, чтобы освѣжить мой пересохшій ротъ. Окажи мнѣ эту послѣднюю милость, я чувствую, что умираю.

По слабости ея голоса, философъ понялъ ея состояніе. Однако, онъ ничѣмъ не показалъ ей своего сожалѣнія.

— Нѣтъ ты не умрешь отъ моей руки, — заявилъ онъ грубо,— что касается воды, то ты ее также получишь, какъ и я отъ тебя огня. Я лечилъ свои отмерзлыя члены долго и упорно, вонючимъ навозомъ, а твою сожженную кожу надо будетъ лечить розовой водой, и ты ее переѣмнишь подобно змѣѣ, мѣняющей свою шкуру, и станешь еще лучше прежняго.

— Жестокій,—вскричала несчастная,—пусть та красота, пріобрѣтенная такой дорогой цѣною, достанется въ удѣлъ тебѣ, мучитель. Ты безжалостнѣе дикаго звѣря, и болѣе жестокой казни, чѣмъ моя, не придумать даже за самое жестокое преступленіе. Ты мнѣ отказываешь въ глоткѣ воды, въ которомъ не отказываютъ даже каторжникамъ. Ты неумолимъ, и я готова умереть. Богъ скалится надъ моей бѣдной душой и да накажетъ онъ тебя за твое злодѣяніе. Сказавъ это, она отошла отъ рѣшетки и приготовилась ожидать смерти какъ избавительницы.

Съ наступленіемъ ночи Реньери рѣшилъ покончить эту пытку. Онъ приказалъ лакею принести одежду Елены и пошелъ съ нею къ дому несчастной вдовы, тамъ на порогѣ, онъ нашелъ преданную служанку, горѣвавшую о своей барынѣ.

— Послушай, милая,—началъ философъ,—ты не знаешь, гдѣ твоя госпожа?

— Увы, сударь,—отвѣчала дѣвушка,—барыня съ вечера легла спать, а сегодня утромъ я не нашла ее въ постели. Все мои поиски оказались тщетными, сибора Елена исчезла безслѣдно. Боюсь, не случилось ли чего съ ней худого.

— Тебя, голубушка, слѣдовало также упрятать съ твоей госпожей—замѣтилъ философъ.—Вѣдь, ты помогала ей коварнымъ продѣлкамъ надо мною. Рано или поздно, конечно, и тебѣ отъ меня достанется. Затѣмъ, обращаясь къ своему лакею, онъ прибавилъ: отдай этой дѣвчонкѣ платье ея госпожи и скажи гдѣ эта послѣдняя находится.

Камеристка, узнавъ платье своей барыни, вскрикнула отъ ужаса и вся въ слезахъ кинулась къ башнѣ.

Только что Реньери и его лакеи оставили несчастную вдову, какъ къ башнѣ подошелъ одинъ ея работникъ, искавшій двухъ заблудившихся свиней. Онъ услыхалъ жалобные стоны, раздававшіеся откуда-то сверху.

— Кто тамъ плачетъ?—вскричалъ онъ.

Вдова, узнавъ голосъ своего работника, назвала его по имени. Поди, пришли мнѣ мою служанку, приказала она ему.

— Какъ, это вы, барыня? Какъ вы тамъ очутились?—недоумѣвалъ работникъ.—А ваша служанка повсюду васъ разыскиваетъ.—При этомъ онъ схватилъ лѣстницу и приставилъ къ башнѣ. Въ это время подоспѣла служанка, отчаянно призывая свою барыню.

— Я здѣсь, милая,—отвѣчала несчастная вдова,—подай мнѣ поскорѣ мою одежду.

Вѣрная камеристка ловко взобралась по лѣстницѣ и увидала свою госпожу, распростертую на крышѣ башни, съ обнаженнымъ тѣломъ, представляющимъ собою скорѣе обуглившееся полѣно, нежели человѣческій торсъ. Неудержимыя рыданія огласили воздухъ, но Елена умоляла ее замолчать и поскорѣе помочь одѣться. Злополучная вдова утѣшилась нѣсколько, узнавъ, что никому еще неизвѣстно о ея приключеніи. Одѣвшись она попросила работника помочь ей сойти съ крыши. Малый, видя ее совершенно обезсиленную, посадилъ ее къ себѣ на плечи, рѣшивъ такимъ образомъ донести до дому свою хозяйку. Въ это время спускавшаяся сзади камеристка полетѣла съ лѣстницы и сломала себѣ ногу. Она такъ страшно закричала отъ боли, что работникъ, положивъ барыню подъ тѣнь дерева, бросился помогать служанкѣ. Но видя, что его помощь тутъ безсильна, онъ поднялъ несчастную и отнесъ ее подъ дерево къ барынѣ. Это обстоятельство еще болѣе огорчило Елену и она залилась неутѣшными слезами. Не желая, чтобъ ночь застгла ихъ въ этомъ

мѣстѣ, вдова попросила работника отнести ее въ домикъ фермера, затѣмъ, вмѣстѣ съ своими братьями работникъ вернулся за служанкой, которую перенесли на носилкахъ. Жена фермера ухаживала за Еленой, обмыла ей раны, накормила, раздѣла, уложила въ постель, а на утро ихъ обѣихъ отравили во Флоренцію.

Хитрая вдова, ловкая на выдумки, придумала цѣлую исторію, объясняющую ее приключеніе, и рассказала своимъ братьямъ. Она увѣрила своихъ родныхъ и знакомыхъ, что сдѣлалась жертвою дьявольскаго навожденія. Позвали врачей, которые заботливо стали возстановлять ее здоровье. Елена утратила навсегда свою живость и совершенно отказалась

отъ своего любовника и всякихъ стремленій издѣваться надъ людьми. Служанку также вылечили. Реньери никому не сказалъ ни слова объ этомъ происшествіи не изъ снисхожденія къ дамѣ, а просто охраняя свою добрую репутацію.

Вотъ какъ была жестоко наказана Елена за свое издѣвательство надъ философомъ. Изъ этого разказа можно убѣдиться, на что иногда бываютъ способны ученые, и насколько надо быть осторожными съ ними, и не позволять себѣ какихъ-либо опасныхъ продѣлокъ по ихъ адресу!

Новелла VIII.

Измѣна за измѣну.

Двое женатыхъ дружатся другъ съ другомъ. Одинъ изъ нихъ заводитъ интригу съ женою своего пріятеля. Обманутый мужъ вмѣстѣ съ женою своего друга устраиваютъ такъ, что запираютъ этого вѣроломнаго мужа и пріятеля въ сундукъ, на которомъ второй любезничаетъ съ его женой, пока тотъ находится внутри сундука.

Исторія Елены произвела грустное впечатлѣніе на слушавшихъ дамъ, хотя онѣ и не чувствовали къ несчастной вдовѣ особаго состраданія, такъ какъ считали ея мученія отчасти заслуженными. Философъ, же въ ихъ глазахъ явился человѣкомъ съ твердымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма суровымъ и жестокимъ характеромъ. Королева сдѣлала знакъ Фіаметтѣ продолжать. Последняя повиновалась и начала такъ:

— Милыя дамы! Предыдущій рассказъ нѣсколько омрачилъ ваше веселое настроеніе, а потому слѣдуетъ развеселить васъ немного какимъ-либо болѣе забавнымъ повѣствованіемъ. Я расскажу вамъ объ одномъ юношѣ, который за свою обиду отплатилъ болѣе умѣренно. Никогда не слѣдуетъ въ своей мести переходить границы возможнаго, желая отомстить за понесенное оскорбленіе.

Слышала я, что въ Сиенѣ проживали двое молодыхъ людей, богатыхъ, изъ хорошихъ семей, и оба женатыхъ. Одного звали Спинелоччо де-Танена а другого Цеппа де-Мина. Они очень, повидимому, любили другъ друга и были связаны самыми неразрывными узами дружбы. Жены ихъ были красавицы. Спинелоччо, часто навѣщавшій своего пріятеля, увлекся женою своего друга и скоро, въ свою очередь, сумѣлъ добиться ея расположенія. Прошло довольно много времени, никто не догадывался о взаимной любви и близости этихъ двухъ голубковъ. Однако, Цеппа замѣтилъ какъ-то особую фамиллярность между своимъ другомъ и же-

ною и захотѣлъ убѣдиться въ мелькнувшемъ подозрѣніи. Однажды, онъ вмѣсто того, чтобъ уйти изъ дому, спрятался и сталъ ожидать появленія Спинелоччо. Тотъ не замедлилъ явиться. Узнавъ, что Цеппы нѣтъ дома, онъ сталъ обнимать и цѣловать жену своего друга. Огорченный двойной измѣной, Цеппа не проронилъ однако ни звука, обдумывая, какъ лучше отомстить за свою обиду, отлично понимая, что шумомъ и бранью онъ привлечетъ только постороннее вниманіе и этимъ только увеличить свой позоръ. Вѣроломные любовники, нѣжно обнявшись, удалились въ другую комнату. Цеппа, придумавшій способъ мести, терпѣливо выжидалъ конца ихъ свиданія. Какъ только Спинелоччо ушелъ, Цеппа направился къ женѣ, которая въ смущеніи оправляла свою прическу.

— Что ты тутъ дѣлаешь?—спросилъ строго мужъ.

— Я думаю видишь что,—небрежно отвѣчала жена.

— Да, правда, добавлю, что я видѣлъ и еще кое-что, чего бы никакъ не желалъ видѣть. И онъ тутъ же рассказалъ обо всемъ, чему самъ былъ свидѣтелемъ.

Провинившаяся жена поняла, что всякое заpiresательство бесполезно: она откровенно призналась во всемъ мужу, со слезами умоляя о прощеніи.

— Ты меня странно оскорбила,—отвѣчалъ ей мужъ,—и я прощу тебя только при условіи, что ты исполнишь въ точности то, что я тебѣ прикажу.

Жена обѣщала во всемъ повиноваться.

— Такъ вотъ что,—началъ Цеппа,—завтра ты въ полдень назначишь свиданіе Спинелоччо, вслѣдъ затѣмъ явлюсь я, ты же, услышавъ о моемъ возвращеніи, запрешь его въ сундукъ. Когда ты это сдѣлаешь, я тебѣ сообщу о дальнѣйшемъ. Исполни мои приказанія и я обѣщаю простить тебя и забыть твой проступокъ. Виновная жена изъ страха наказанія согласилась на все.

На утро Цеппа и Спинелоччо находились вмѣстѣ. Въ полдень Спинелоччо, вспомнивъ о назначенномъ свиданіи, сказалъ, что идетъ обѣдать съ однимъ пріятелемъ, а самъ отправился къ своей возлюбленной.

Только что они очутились вмѣстѣ, какъ на лѣстницѣ раздались шаги Цеппы. Жена послѣдняго, испугавшись мужа, заставила своего друга спрятаться въ сундукъ и заперла его на ключъ. Цеппа появился и спросилъ у жены, готовъ ли обѣдъ.

— Я только что разстался съ Спинелоччо,—добавилъ онъ,—другъ мой отправился обѣдать съ пріятелемъ, а такъ какъ его жена одна, то поди пригласи ее къ намъ обѣдать. Красавица повиновалась. Цеппа ласково встрѣтилъ жену своего друга, свою же отправилъ на кухню, взявъ свою гостью за руку и отвелъ въ ту комнату, гдѣ стоялъ злополучный сундукъ, закрывъ дверь на задвижку.

— Что это значитъ?—недоумѣвая спрашивала молодая женщина,

не понимая къ чему клонятся его любезности.—Что съ вами Цеппа?—лепетала она,—такъ-то вы уважаете узы дружбы?

— Выслушайте меня, сударыня,—хладнокровно заявилъ Цеппа подводя ее къ сундуку.—Я любилъ и люблю вашего мужа, какъ родного брата. Въ его же дружбѣ я имѣю основаніе сомнѣваться, такъ какъ навѣрно знаю, что эта дружба не помѣшала ему пользоваться любовью моей жены. Все это я видѣлъ собственными глазами. Я хочу только отплатить ему тѣмъ же, и если вы мнѣ въ этомъ не поможете, я сумѣю жестоко расправиться съ нимъ.—Цеппа привелъ несомнѣнные доказательства вѣроломства ея мужа и красавица согласилась, упрасивая Цеппу помочь ей сохранить дружбу съ его женой.

— Я ей охотно прощаю ея проступокъ,—добавила жена Спинолочно.

— Будьте покойны,—отвѣчалъ Цеппа,—я обо всемъ позабочусь, а вамъ дамъ за это самое драгоценное сокровище.—Оба союзника помѣстившись на сундукѣ, стали любезничать другъ съ другомъ.

Спинолочно, слышавшій все, задыхался отъ бѣшенства сначала, но успокоившись понемногу, разсудилъ, что Цеппа вполнѣ правъ, наградивъ его рогами взаимно. Памятуя, что онъ первый сдѣлалъ пакость своему другу, рѣшилъ не волноваться и остаться пріятелемъ Цеппы по прежнему.

Между тѣмъ жена Спинолочно попросила своего поклонника показать обѣщанное ей сокровище. Цеппа отперъ сундукъ и крикнувъ свою жену, послѣдняя, войдя въ комнату, обратилась къ своей подругѣ съ слѣдующей фразой:

— Ты мнѣ, милая, отплатила хлѣбомъ за лепешку.

Цеппа приказалъ женѣ поднять крышку сундука.

— Вотъ вамъ и обѣщанное сокровище,—добавилъ Цеппа указывая пораженной красавицѣ на выльзавшаго оттуда ея мужа. Трудно было рѣшнить, кому въ данную минуту было стыднѣе, Спинолочно или его женѣ?

— Мы съ тобою сквитались, пріятель,—сказалъ Спинолочно, обращаясь къ Цеппѣ,—не будемъ далѣе вдаваться въ подробности. Повѣрь мнѣ, что все случившееся не помѣшаетъ нашей дружбѣ. У насъ все до сихъ поръ было нераздѣльно съ тобою, кромѣ нашихъ женъ. Сдѣлаемъ же и ихъ общими. И съ этого дня, такимъ образомъ, каждая изъ женъ имѣла по два мужа, и каждый мужъ—по двѣ жены. И никогда по этому поводу у нихъ не выходило никакихъ ссоръ, ни преканій.

Новелла IX.

Одураченный врачъ.

Лебруно и Булфаманко подговариваютъ врача Симоне всплутить въ компанію которая корсарствуетъ. Они заводятъ его въ уединенное мѣсто ночью и бросаютъ въ яму.

Послѣ того, какъ дамы поболтали объ общихъ женахъ двухъ сценцевъ, королева начала свой разсказъ такъ:

— Милыя дамы! Спинелоччо вполне заслужилъ глумленіе своего пріятеля, какъ вы видѣли; я же хочу разсказать вамъ объ одномъ человѣкѣ, который даже думалъ, что надо хвалить тѣхъ, кто издѣвается надъ нимъ, самъ смахивая на барана онъ вернулся въ Болонью изъ Флоренціи, украшенный бѣличьимъ мѣхомъ.

Одинъ врачъ, родомъ изъ Флоренціи, обучался въ Болоньѣ. Возвратившись къ себѣ на родину, облеченный въ мантию докторъ медицины, хотя остался такимъ же невѣжественнымъ какъ и былъ до отъѣзда. И дѣйствительно, нерѣдко случается, что изъ Болоньи являются къ намъ флорентинцы, украшенные знаками отличія, въ ученыхъ или адвокатскихъ тогахъ, но подъ длинными полами этихъ мантий скрывается умственная пустота и глубокое невѣжество. Въ такомъ же родѣ былъ и упомянутый мною Симоне де-Вилла, болѣе богатый отцовскими средствами, чѣмъ собственными знаніями. Вернувшись въ свой родной городъ съ званіемъ доктора медицины, онъ поселился въ улицѣ де-Кокомеро. Встрѣчая своихъ знакомыхъ, Симоне имѣлъ привычку разспрашивать о проходящихъ мимо, кто онъ, откуда, вывѣдывая малѣйшія подробности, будто на основаніи наружныхъ данныхъ, т. е. жестовъ и поступковъ, онъ составлялъ нужные ему медикаменты. Особое свое вниманіе онъ обратилъ на двухъ молодыхъ художниковъ, которыхъ постоянно видѣлъ неразлучными. Они жили

съ нимъ по сосѣдству. Нетрудно догадаться, что это были Булфамакко и Лебруно. Видя ихъ постоянно веселыми и довольными, Симоне полюбопытствовалъ объ ихъ общественномъ положеніи и родѣ занятій. Узнавъ, что они оба живописцы и люди бѣдные, какъ большинство юношей ихъ профессіи, Симоне очень удивился, что они, будучи бѣдняками, находятся всегда въ хорошемъ расположеніи духа, и даже заподозрилъ, что вѣроятно они еще имѣютъ какіе-либо негласные доходы, тѣмъ болѣе, что они пользовались репутаціей ловкихъ и хитрыхъ людей. Чтобы хорошенько убѣдиться во всемъ, Симоне рѣшилъ свести знакомство съ однимъ изъ нихъ. Случай столкнулъ его съ Лебруно. Послѣдній съ первыхъ же словъ разгадалъ, что передъ нимъ ничто иное, какъ круглый невѣжда и глупецъ. Они взаимно наговорили другъ другу любезностей и остались оба довольны знакомствомъ. Одному нравилось, что онъ приобрѣлъ себѣ дурковатаго знакомаго, на счетъ котораго можно при случаѣ позабавиться, другой былъ радъ свести знакомство съ артистомъ веселымъ и остроумнымъ. Приглашая часто къ себѣ обѣдать художника, Симоне все старался вывѣдать у него о томъ, какъ они съ товарищемъ, будучи людьми бѣдными, вполнѣ умѣютъ устраиваться и всегда веселы и довольны своей судьбой. Это обстоятельство особенно поражало глупаго Симоне. И онъ просилъ открыть ему секретъ ихъ веселаго настроенія. Подобные вопросы, конечно, показались весьма забавными Лебруно, и онъ рѣшилъ отвѣтить на нихъ по достоинству.

— Маэстро, — началъ молодой человѣкъ, — конечно, никому другому я бы не открылъ секрета нашего веселаго существованія, но вамъ какъ другу я не могу отказать въ просьбѣ. Надѣюсь, что вы не злоупотребите моимъ довѣріемъ. Видите ли, какъ вамъ извѣстно, я и Булфамакко проживаемъ весело и счастливо, хотя нашего заработка хватаетъ едва, чтобъ оплатить воду, которую мы пьемъ. Однако, не подумайте, мы не воруемъ и не грабимъ, мы люди честные, мы только изрѣдка лишь корсарствуемъ, и такимъ образомъ безъ ущерба ближнему добываемъ себѣ все необходимое. Вотъ гдѣ настоящій источникъ нашего довольства и веселья.

Врачъ, услыжавъ это, вполнѣ повѣрилъ сообщенію Лебруно, хотя хорошенько и не уяснялъ себѣ, въ чемъ тутъ дѣло. Онъ сталъ умолять художника объяснить все подробно, давая клятву сохранить все сказанное въ глубочайшей тайнѣ.

— Великій Боже! вы просите меня о невозможномъ, — вскричалъ Бруно, — да знаете ли, что я могу своей откровенностью погубить свое благосостояніе, все самое дорогое мнѣ на свѣтѣ и даже самую жизнь!

Еще болѣе заинтересованный Симоне началъ настойчивѣе упрашивать художника.

— Другъ мой, — началъ снова юноша, — повѣрьте, что только необыкновенное уваженіе къ вашей ученой особѣ, моя привязанность къ вамъ и мое безконечное довѣріе не позволяютъ мнѣ отказать вамъ. Но поклонитесь мнѣ монтезанскимъ крестомъ, что вы не выдадите меня.

Конечно, Симоне не замедилъ подтвердить свое молчаніе клятвой.

— Вы, вѣроятно, слышали маэстро, — началъ такъ Лебруно, — что лѣтъ 12—13 тому назадъ прибылъ сюда изъ Шотландіи одинъ извѣстный некроманъ и профессоръ черной магіи, по имени Микеле Скотто. Онъ былъ принятъ съ большимъ почетомъ уважаемыми людьми Флоренціи, которые, однако, теперь почти все перемерли. Уѣхавъ отсюда, онъ оставилъ здѣсь двоихъ наиболѣе искусныхъ своихъ учениковъ, которымъ приказалъ оказывать всяческія услуги флорентинскому обществу. Эти двое молодыхъ людей настолько хорошо почувствовали себя въ здѣшнемъ городѣ, а жители имъ такъ понравились, что они навсегда рѣшили остаться во Флоренціи. Они вошли въ дружбу не только съ знатными обывателями, но также и съ людьми скромнаго происхожденія, пришедшимися имъ по вкусу, ибо они обращали вниманіе ни на бѣдность, ни на богатство, а просто на личныя достоинства людей. Они составили союзъ, приблизительно изъ 25 человекъ, которые были обязаны собираться дважды въ мѣсяць, въ мѣстѣ, ими самими избранномъ. Тамъ каждый изъ собравшихся высказывалъ свое желаніе и эти два мага исполняли эти желанія, прибѣгая къ своему искусству. Собранія эти происходили всегда по ночамъ. И Булфамакко свелъ съ этими чародѣями знакомство, и вскорѣ совершенно сдружились. Это продолжается и до сихъ поръ и вотъ мы очень аккуратно посѣщаемъ эти ночныя собранія. Еслибъ вы только посмотрѣли, какое богатство и роскошь царятъ въ тѣхъ покояхъ, гдѣ мы проводимъ время! Какіе обои, какіе ковры украшаютъ нашу столовую! Столы убраны съ царскою роскошью. Множество слугъ обоюгаго пола въ распоряженіи каждаго изъ насъ. Серебряная и золотая посуда разставлена на столахъ, и мы пьемъ изъ драгоценныхъ кубковъ и ѣдимъ на золотѣ и серебрѣ. Чудная музыка ласкаетъ нашъ слухъ. Какъ все ярко освѣщено тамъ, какія лакомства и вкусныя яства подаютъ тамъ я не сумѣю, право, объяснить вамъ. Не подумайте, мой дорогой, что мы находимся тамъ въ обыкновенныхъ нашихъ потрепанныхъ одеждахъ, нѣтъ, мы сидимъ тамъ разряженные въ драгоценныя ткани, отличающіяся невиданной роскошью и великолѣпіемъ, сидимъ какъ цари на тронахъ. Но что самое главное и пріятное такъ это красавицы, женщины, которыхъ доставляютъ туда по одному желанію со всѣхъ концовъ вселенной. Достаточно только пожелать и эта желанная явится туда мгновенно во всемъ блескѣ своей чарующей красоты. Тамъ вы увидите владительницу Барбаниковъ, королеву Васковъ, императрицу Узбека, супругу султана, Цанчаферу изъ Норвеки, Слинстоите изъ Берлинцоны, Скольнедру изъ Норвегіи словомъ всѣхъ владительницъ міра, не исключая Скинмурры, жены священника Джіованни!

Обильно закусивъ и выпивъ, мы забавляемся тамъ танцами каждый съ той дамой, по чьему желанію она явилась, затѣмъ по парно уединяемся въ отдѣльныя комнаты, отдѣлка которыхъ превышаетъ всякія ожиданія, постели тамъ по своей красотѣ и роскоши пре-

восходить ложе любого дожа Венеци. Судите же, какъ всё тамъ пріятно проводить время, а я и Булфамакко особенно, такъ какъ по нашему желанію къ намъ являются лучшія въ мірѣ женщины. Онъ призываетъ къ себѣ королеву французскую, а я англійскую, которыя безспорно считаются выдающимися красавицами. Обѣ такъ влюблены въ насъ, что не могутъ наглядѣться. Когда намъ нужны деньги, мы спрашиваемъ ихъ у нашихъ дамъ и онѣ даютъ намъ по тысячи или по двѣ дукатовъ. Судите же сами, какъ же намъ не чувствовать себя счастливыми при такихъ условіяхъ жизни? Вотъ это то и называется между нами карсарство. Подобно карсарамъ, мы со всѣхъ взываемъ контрибуцію, съ тою только разницею, что они не возвращаютъ отнятаго, а мы воспользовавшись отдаемъ назадъ. Итакъ, мой дорогой, вы сами можете судить, какъ все это нуждается въ полнѣйшей тайнѣ, а потому я замолчу и васъ снова умоляю ничего не говорить объ этомъ.

Глуповатый докторъ вполне повѣрилъ разсказу художника. Сильнѣйшее желаніе и самому попасть въ этотъ кружокъ охватило все существо Симоне. Но, однако, онъ не рѣшался высказать Лебруно свою просьбу, выжидая болѣе удобнаго случая, когда, оказавъ ему еще большія почести и вниманіе, онъ сможетъ смѣлѣе рассчитывать на успѣхъ.

Съ этихъ поръ онъ еще болѣе старался сдружиться съ живописцемъ, приглашая часто къ себѣ, ухаживая за нимъ и угощая всячески.

Художникъ въ благодарность за расположеніе доктора росписалъ ему его жилище, нарисовалъ въ одной изъ галлерей дома битву мышей и кошекъ, а надъ входной дверью изобразилъ горшокъ, дабы проходящіе отличали жилище доктора отъ прочихъ.

Иногда Лебруно упоминалъ, что былъ наканунѣ въ своемъ кружкѣ при чемъ заявлялъ, что королева англійская ему уже наскучила и онъ велѣлъ прислать къ себѣ Гумедру великаго хана Тарсійскаго.

— Кто же это такая Гумедра?—съ недоумѣніемъ спрашивалъ Симоне.— Я что то не слыхивалъ такого имени?

— Весьма возможно,—отвѣчалъ живописецъ,—такъ какъ знаю, что ни Паркогросъ ни Ваначена не упоминаютъ о ней.

— Вѣроятно, ты хочешь сказать Ипокротъ и Авицена,—поправилъ врачъ.

— Пусть такъ, согласился Лебруно, вѣдь я тоже не слыхивалъ вашихъ ученыхъ именъ. Гумедра на языкѣ татарскаго хана означаетъ императрицу. Боже! какое это дивное созданіе! Еслибъ вы ее увидали, маэстро, то навѣрно безумно бы влюбились, она заставила бы васъ позабыть всѣ ваши пластыри и промывательныя.

Такими увлекательными разсказами хитрый живописецъ еще болѣе разжигалъ любопытство Симоне, который, наконецъ, рѣшился высказать ему свое пламенное желаніе, увѣренный, что благодаря всѣмъ своимъ благодѣяніямъ, оказываемымъ живописцу, онъ достаточно заручился успѣхомъ.

Однажды вечеромъ, когда Лебруно расписывалъ ему битву мышей и кошекъ, Симоне началъ очень вкрадчиво такъ:

— Другъ мой, еслибъ вы знали, какъ я расположенъ къ вамъ, нѣтъ кажется, той услуги, которой я бы не оказалъ вамъ; еслибъ даже сейчасъ ради васъ нужно было пойти за два лье отсюда, я и то не колебаясь отправился бы. Увѣренный и въ вашемъ взаимномъ расположеніи, я рѣшился обратиться къ вамъ съ большой просьбой. Съ тѣхъ поръ какъ вы рассказали мнѣ о вашемъ интересномъ братствѣ, у меня явилось самое пламенное желаніе попасть въ его составъ и участвовать въ этихъ собраніяхъ, имѣя въ виду слѣдующее: Въ прошломъ году, я встрѣтилъ въ Каковинчильи одну прелестнѣйшую дѣвушку, образъ которой до сихъ поръ не выходитъ у меня изъ головы. Я желаю ее привести къ себѣ! Я осыпалъ-бы ее безумными ласками! Я предлагалъ ей тогда двѣ болонскихъ монеты за ея расположеніе, но она не согласилась. Какъ бы я хотѣлъ быть принятымъ въ ваше общество. Скажи же мнѣ, что надо сдѣлать, чтобы быть принятымъ? Будь увѣренъ, что вы встрѣтите во мнѣ достойнаго товарища, который не посрамитъ васъ. Я очень красивъ, у меня нѣжный цвѣтъ лица, напоминающій розу, къ тому же я докторъ, вѣдь врачей нѣтъ въ вашемъ обществѣ, я могу вамъ оказать услуги. Я знаю много разныхъ прибаутокъ и хорошенькихъ пѣсенокъ. Вотъ послушай я спою... И онъ принялся пѣть. Лебруно едва удерживался отъ смѣха. Врачъ кончилъ, наконецъ, свое пѣніе:

— Ну, что ты мнѣ на это скажешь Лебруно? — спросилъ Симоне, — вѣдь нельзя спѣть лучше, а голосъ какой пріятный? Право лучше скрипки Сагженели? Ты бы никогда не повѣрилъ, еслибъ самъ не слышалъ меня?

— Конечно, конечно, — утверждалъ Лебруно, въ мірѣ ничего нѣтъ подобнаго.

— Я знаю еще и другія пѣсни, — продолжалъ Симоне, — но теперь не время показывать тебѣ всѣ мои таланты, знай еще, что я человѣкъ благороднаго происхожденія и со стороны матери происхожу изъ знатнаго рода Валлекіо. Ни у одного врача во Флоренціи нѣтъ такихъ дорогихъ книгъ и такихъ прекрасныхъ одеждъ. У меня даже есть одно платье, стоящее 100 экю. Такъ прошу тебя, не откажи мнѣ ввести меня въ ваше общество. Если ты мнѣ окажешь эту услугу, можешь болѣть сколько тебѣ угодно, я буду всегда лечить тебя даромъ.

Конечно, Лебруно давно ожидалъ такой просьбы, однако отвѣтилъ не сразу.

— Посвѣтите мнѣ, любезный, съ этой стороны, чтобы я могъ закончить хвосты у этихъ крысъ, — замѣтилъ онъ.

Сдѣлавъ нужные штрихи, художникъ послѣ нѣкотораго раздумья началъ такъ:

— Я увѣренъ въ вашемъ расположеніи и въ вашей готовности сдѣлать для меня многое, маэстро, и не желалъ бы остаться неблаго-

дарнымъ, но то, что вы просите слишкомъ важно, и еслибъ это было въ моей власти, я, безъ сомнѣнiя, исполнилъ бы ваше желанiе, и не только изъ любви къ вамъ, но изъ уваженiя къ вашему уму, знанiямъ и неоцѣнимымъ достоинствамъ. Никто въ мiрѣ не въ состоянiи цѣнить васъ болѣе меня, такъ ваши рѣчи очаровываютъ меня, а вашъ умъ поражаетъ и вызываетъ удивленiе. Но то, что вы желаете, отъ меня не зависитъ, я тутъ значу менѣе, чѣмъ вы думаете. Однако же я укажу вамъ способы, которыми вы, вѣроятно, достигнете того, что хотите, вѣдь у васъ есть чудныя книги, дорогiя одежды и много другихъ цѣнныхъ достоинствъ, конечно, если вы пообщаете мнѣ вашимъ честнымъ словомъ сохранить все въ глубочайшей тайнѣ.

— Говори же, говори,—перебилъ обрадованный врачъ,—общаю тебѣ не проронить ни слова и никогда не скомпрометирую васъ своей нескромностью. Я умѣю хранить секретъ. Въ то время какъ Гаспаролло де-Солицетто былъ судьей въ Форлимополѣ, онъ мнѣ какъ своему секретарю сообщалъ всѣ тайны, вѣря въ мою скромность. И вотъ тебѣ доказательство его довѣрiя, онъ мнѣ первому сообщилъ о своемъ намѣренiи жениться на Бергамилѣ. Будешь ли ты еще сомнѣваться въ моей скромности послѣ этого?

— Хорошо,—отвѣчалъ Лебруно,—ужь если такой человекъ довѣрялся вамъ, такъ я подавно могу сдѣлать это. Способъ, который я вамъ рекомендую, заключается въ слѣдующемъ: У насъ въ обществѣ всегда избирается капитанъ и два совѣтника, которые мѣняются каждые шесть мѣсяцевъ. Послѣ Рождества капитаномъ будетъ избранъ Булфамакко, а я совѣтникомъ, это уже такъ рѣшено. Капитанъ имѣетъ право вводить новыхъ лицъ въ наше общество. И вотъ, по моему, вамъ слѣдуетъ познакомиться и сблизиться съ Булфамакко. Вамъ не трудно будетъ обворожить его вашей любезностью, умомъ и гостепрiимствомъ. Сдѣлавшись вашимъ другомъ, Булфамакко не сумѣетъ ни въ чемъ отказать вамъ. Я уже говорилъ моему прiятелю о васъ, онъ расположенъ къ вамъ и относится съ полнымъ уваженiемъ. Что касается меня, то вы, конечно, можете быть увѣрены въ моемъ содѣйствiи.

— Твой планъ мнѣ нравится,—отвѣчалъ докторъ,—и если Булфамакко любитъ умныхъ людей, то пусть только побесѣдуетъ со мною, такъ убѣдится въ моихъ достоинствахъ. Не хвастаясь могу сказать, что у меня столько ума и знанiй, что я могъ бы наградить весь городъ безъ ущерба себѣ.

Лебруно подробно передалъ всю эту исторiю Булфамакко, который сгоралъ отъ нетерпѣнiя скорѣе познакомиться съ этимъ дуракомъ.

Докторъ, въ свою очередь, желалъ скорѣйшаго сближенiя съ Булфамакко, а потому и сталъ устраивать въ честь его богатые обѣды и роскошныя ужины, приглашая на нихъ и Лебруно. Живописцы же съ удовольствiемъ навѣщали этого чудака, предвкушая обильныя угощенiя.

Наконецъ, наступилъ день, когда Симоне рѣшилъ обратиться къ Булфамакко со своей просьбой.

Булфамакко прикинулся очень разсерженнымъ и яростно накинулся на Лебруно.

— Клянусь великимъ пазипьянскимъ богомъ,—кричалъ онъ,—что съ удовольствіемъ обрѣзалъ бы тебѣ языкъ, заставивъ раскаяться въ твоей болтливости и разодралъ бы тебя на части. Вѣдь только ты могъ выдать нашъ секретъ.

Симоне сталъ клятвенно увѣрять, что узналъ это изъ совершенно другого источника, уговаривая такъ искусно Булфамакко, что гнѣвъ послѣдняго прошелъ.

— Сейчасъ видно, что вы побывали въ Болоньѣ,—сказалъ Булфамакко,—ваша ученость превосходить знанія другихъ врачей, которые право не идутъ дальше азбуки и, вѣроятно, вы родились въ воскресенье. Лебруно сказалъ мнѣ, что вы ученый врачъ, но я еще кромѣ того вижу, что вы умѣете побѣждать сердца потоками вашего краснорѣчія. Не много людей способны говорить такъ умно и убѣдительно.

— Вотъ что значить имѣть дѣло съ умнымъ человѣкомъ, каковъ я,—перебилъ Симоне,—обращаясь къ Лебруно:—онъ вѣдь сразу замѣтилъ и оцѣнилъ мои умственные достоинства. Припомни-ка, что я говорилъ тебѣ, когда ты сообщилъ мнѣ, что Булфамакко ищетъ общенія съ мудрецами. Сдержалъ я свое слово?

— Вполнѣ,—отвѣчалъ Лебруно.

— Ну, а еслибъ вы посмотрѣли на меня, когда я проживалъ въ Болоньѣ,—продолжалъ врачъ,—какъ меня тамъ любили и уважали всѣ, начиная съ профессора до послѣдняго школяра, такъ умѣлъ я ихъ увлекать моимъ умомъ и рѣчами. Я такъ владѣлъ словомъ, что вызывалъ всеобщее восхищеніе, только что бывало открою ротъ, какъ кругомъ раздается неудержимый хохотъ. Какъ меня жатъли, когда я убѣждалъ оттуда, всячески стараясь удержать навсегда въ Болоньѣ. Хотѣли даже поручить исключительно мнѣ одному преподаваніе медицины; но я отказался, для того чтобы ѣхать сюда за полученіемъ огромнаго наслѣдства и поселиться въ родномъ городѣ на пользу своихъ соотечественниковъ.

— Каково Булфамакко! замѣтилъ Лебруно,—неправда, ли вѣдь, я вѣрно говорилъ тебѣ объ этомъ мудрецѣ! Похвалы мои были, конечно, не преувеличены, ты и самъ убѣдился въ этомъ. Увѣренъ, что во всей Флоренціи не найдется врача, болѣе понимающаго толкъ въ уринѣ осла, чѣмъ этотъ докторъ, подобнаго которому не сыщешь до самыхъ вратъ Парижа. Да развѣ можно въ чемъ-либо отказать ему?

— Вы правы,—сказалъ на это Симоне,—меня еще не знаютъ въ этомъ городѣ, здѣсь люди грубы и не развиты. Вотъ если бы вы меня видѣли среди моихъ собратьевъ-ученыхъ?—Я и безъ этого убѣжденъ, что вы всѣхъ ихъ превосходите,—замѣтилъ Булфамакко.—Я счастливъ,

что узналъ васъ и нахожу васъ вполне достойнымъ нашего общества. Не сомнѣвайтесь, я сдѣлаю все отъ меня зависящее. И вы несомнѣнно будете приняты въ нашъ кружокъ.

Докторъ удвоилъ свое вниманіе къ гостямъ, стараясь угощать еще болѣе. Они же потѣшались надъ нимъ, суля ему всякія заманчивыя утѣхи, общали ему расположеніе графини Отхожей, первой красавицы заднихъ областей.

— А кто такая эта графиня,—спросилъ врачъ.

— Эта очень извѣстная особа, пользующаяся повсемѣстно большимъ уваженіемъ,—замѣтилъ Булфамакко. Все смертные отдаютъ ей подобающія почести трубнымъ звукомъ. Ея приближеніе всегда чувствуется, несмотря на то, что она въ большинствѣ случаевъ ходитъ покрытая. Ея мѣстопребываніе—въ мѣстахъ уединенія, а приближенные ея бродятъ вокругъ этихъ мѣстъ съ знаками своего отличія—метелкой и лопатой. Повсюду у ней есть подчиненные и вельможи, напр., донъ-Куча, Блоака и др. Вѣроятно, и вы ихъ знаете, только теперь забыли. Вотъ мы устроимъ, что эта знатная дама наградитъ васъ своимъ расположеніемъ.

Врачу, воспитывавшемуся въ Болоньѣ, незнакомы были грубыя выраженія художниковъ, а потому онъ и не уяснялъ себѣ смысла ихъ рѣчи. Совершенно довольный описаніемъ будущей своей красавицы, Симонѣ мечталъ только скорѣе сдѣлаться членомъ кружка. Наступилъ, наконецъ, желанный день; врачъ позвалъ къ себѣ обѣдать пріятелей, а въ ночь должны были посвятить его въ это братство. Симонѣ спрашивалъ, что онъ для этого долженъ дѣлать. Булфамакко взялся его наставлять.

— Слушайте, маэстро,—началъ онъ.—Вы должны испытать себя, достаточно ли въ васъ твердость, чтобы не утрашиться ни передъ чѣмъ. Сегодня вечеромъ, одѣтый въ самыя лучшія и дорогія ваши одежды, вы отправитесь къ гробницѣ Санта Марія Новелла и взберетесь на нее. Графиня захочетъ посвятить васъ въ рыцари, хотя и сами по себѣ вы уже дворянинъ. На этой гробницѣ сидите до тѣхъ поръ, пока передъ вами не появится нашъ посланный, существо черное и рогатое, средняго роста. Онъ станетъ прыгать и реветъ, желая васъ испугать, но вы будьте тверды, и не обнаруживайте страха. Когда онъ убѣдится въ вашей храбрости, то тихо приблизится къ вамъ, а вы, не упоминая имени Бога и святыхъ, вскочите къ нему на спину, не держась за него, онъ отнесетъ васъ невредимымъ до мѣста назначенія, если же вы упоминете Бога или святого, то предупреждаю, что онъ сброситъ васъ въ вонючую яму. Итакъ, если вы не чувствуете въ себѣ достаточно твердости, то лучше не ходите: себѣ вы сдѣлаете вредъ, а намъ доставите много хлопотъ.

— Вы еще меня не знаете!—вскричалъ Симонѣ.—Не судите обо мнѣ по моей одеждѣ и перчаткахъ. Еслибъ вы знали, что я продѣлывалъ

въ Болоньѣ, когда гонялся за женщинами! Однажды, одна изъ куртизанокъ отказалась раздѣлить нашу кампанію, такъ я силой принудилъ ее, схвативъ за волосы и отбросивъ на 100 шаговъ. Въ другой разъ я только въ сопровожденіи маленькаго мальчика проходилъ ночью мимо кладбища кордельеровъ, хотя въ этотъ день тамъ хоронили женщину. Итакъ можете на меня положиться. Я одѣнусь въ свою лучшую одежду, которая была на мнѣ, когда я получилъ степень доктора. Будьте увѣрены, что ваше общество придетъ въ восторгъ при видѣ меня, а графиня, навѣрное, влюбится въ меня по уши. Я умѣю поддержать свое достоинство. Только примите меня.

— Это и мое желаніе,—замѣтилъ Булфамакко,—только не смѣйтесь надъ нами. Будьте прежде всего аккуратны и во-время явитесь

въ назначенное мѣсто. На дворѣ не особенно тепло, смотрите не замерзните.

— Не безпокойтесь, я не изъ зябкихъ,—заявилъ Симоне,—я никогда тепло не одѣваюсь, выходя изъ дому. Итакъ, я въ назначенный часъ явлюсь въ указанное мѣсто.

Художники ушли, а съ наступленіемъ ночи докторъ, одѣвшись очень пышно, отправился къ гробницѣ Санта Марія, взобрался на памятникъ и сталъ терпѣливо ожидать появленія животнаго; на дворѣ было холодно и несчастный Симоне усердно щелкалъ зубами. Булфамакко, человекъ сильный, крѣпкаго сложенія и высокаго роста, облеся въ вывороченную шубу, на лицо одѣлъ маску съ рогами и настоящимъ дьяволомъ явился на площадь Санта Марія. Лебруно издали наблюдалъ за

всѣмъ происходящимъ. Импровизированный чортъ, замѣтивъ доктора, сталъ прыгать и рычать дикимъ голосомъ. При видѣ этого страшилища у трусливаго врача волосы поднялись дыбомъ. Онъ уже раскаивался, что пришелъ къ гробницѣ. Побѣсновавшись изрядно, Булфамакко успокоился и тихо подошелъ, къ трясущемуся Симоне. Бѣдный докторъ находился въ нерѣшимости, вскопить ли ему на чорта или нѣтъ. Боясь, однако, что своимъ колебаніемъ вызоветъ гнѣвъ страшилища, Симоне со словами «Господи помилуй меня» прыгнулъ на спину чорту и усѣлся плотно на немъ, скрестивъ руки, какъ было ему приказано. Булфамакко направился съ нимъ къ церкви Марія де Ласкалла, донеся его до монастыря Риполи. За стѣнами его находились мѣста свалки, ямы, куда мѣстные жители сбрасывали все посвященное графинѣ отхожихъ, для удобренія полей. Приблизившись къ одной изъ такихъ ямъ, Булфамакко сталъ прыгать и бѣсноваться, затѣмъ схватилъ Симоне за ногу и сбросилъ его въ яму, а самъ побѣжалъ къ площади Всѣхъ Святыхъ, гдѣ встрѣтился съ ожидавшимъ его Лебруно. Внѣ себя отъ удовольствія, что ихъ продѣлка удалась, оба пріятели стали слѣдить, что будетъ далѣе съ несчастнымъ мудрецомъ. Увидя себя въ такомъ скверномъ мѣстѣ, бѣднякъ приложилъ всѣ усилія, чтобы какъ-нибудь выбраться изъ ямы, но это было не легко, онъ скользилъ и падалъ, а нечистоты лѣзли ему въ ротъ и въ носъ. Но вотъ кое-какъ онъ выбрался, оставивъ тамъ часть своей одежды, сталъ обчищать себя руками, затѣмъ отправился домой и сталъ стучаться, что есть мочи. Его, наконецъ, впустили и дверь за нимъ захлопнулась. Художники подкрались къ окну его дома, чтобы послушать какъ приметъ супруга доктора свою половину. Рѣдко кому такъ доставалось, какъ бѣдному Симоне на этотъ разъ. Жена осыпала его всевозможными ругательствами.

— За дѣло вамъ это все досталось,—кричала она,—вы ходили, несомнѣнно, на свиданіе, потому то такъ и разошлись. Вотъ такъ отдѣлали тебя! По дѣломъ, не бѣгай за другими женщинами, имѣя такую жену, какъ я.

Брань и упреки длились довольно долго, пока бѣдный докторъ приводилъ себя въ порядокъ.

На утро Лебруно и Булфамакко, не желавшіе ссориться съ Симоне и расписавъ тѣло свое синяками, отправились въ домъ доктора. На порогъ они уже почувствовали смраднѣйшій запахъ, не испарившійся еще послѣ происшествія наканунѣ. Докторъ встрѣтилъ ихъ по прежнему любезно. Но художники, не отвѣчая на его привѣтствіе, гнѣвно стали укорять его.

— Вы, гнусный предатель и измѣнникъ,—кричали они,—не благодарностью вы оплатили намъ за наши услуги. Изъ-за васъ мы нынче ночью были такъ избиты, что тѣла наши покрыты огромными синяками. Кромѣ того, насъ грозилъ изгнать изъ общества, куда мы хотѣли и васъ ввести. Не хотите ли убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ! И

увлекая Симоне въ уединенный уголь, они показали ему свои нарисованные синяки. Докторъ пробовалъ оправдываться, стремясь разсказать и свое печальное приключеніе.

— Хотѣлъ бы я, — вскричалъ Булфмакко, — чтобы васъ совсѣмъ кувиркнули въ рѣку. Зачѣмъ вы поминали Бога и святыхъ! Вѣдь мы предупреждали.

— Да, я клянусь, что не поминалъ, — отвѣчалъ Симоне.

— Ажете!—возразилъ художникъ.— Нашъ посланный разсказывалъ, что вы трясались отъ страха и поминутно призывали Бога. Хорошую вы сыграли съ нами штуку, это намъ хорошій урокъ въ будущемъ, теперь никогда и никому не можешь оказывать услугъ.

Докторъ сталъ усердно просить прощенія, стараясь успокоить ихъ гнѣвъ, умоляя не разсказывать никому объ его несчастномъ приключеніи. Боясь всеобщихъ насмѣшекъ, вѣлѣдствіе ихъ нескромности, Симоне сталъ еще болѣе ухаживать за художниками, оказывая имъ еще лучшіе пріемы.

Вотъ какимъ образомъ наши художники выучили доктора Симоне тому, чему онъ не сумѣлъ обучиться въ Болоньѣ.

Новелла X.

Хитрость за хитрость.

Одна сициліанка хитростью выманываетъ у одного купца деньги и товары, привезенные изъ Палермо. Тотъ дѣлаетъ видъ, что вернулъ ей еще болѣе большимъ запасомъ, чѣмъ въ первый разъ, занимаетъ деньги у куртизаны, оставляя ей въ награду воду и очески.

Новелла, разсказанная королевой, возбудила всеобщій смѣхъ, присутствующія дамы хохотали до слезъ. Затѣмъ наступила очередь Діонео, который началъ такъ:

Милыя дамы! Всякая шутка, чѣмъ тоньше она продѣлана, тѣмъ болѣе, разумѣется, нравится. Я вамъ намѣренъ разсказать одну новеллу, въ которой главное дѣйствующее лицо отличалось особой хитростью. Обманутая особа эта умѣла и сама отлично морочить другихъ и въ этомъ отношеніи не имѣла себѣ подобныхъ.

Существовалъ нѣкогда, а быть можетъ существуетъ и понынѣ такой обычай въ приморскихъ городахъ, имѣющихъ порты, что всѣ купцы, привозившіе туда свои товары, выгружаютъ ихъ въ тѣхъ портахъ, и складываютъ въ отведенный магазинъ, называемый доганой или таможней. Товары эти сдаются подъ росписку особымъ чиновникамъ,

которые ихъ заносить въ спеціальныя книги, помѣчая ихъ стоимость. Затѣмъ за товары эти съ кущовъ взимается установленная пошлина. По этимъ книгамъ факторы справляются о качествахъ и количествахъ товаровъ и о ихъ распродажѣ. Это практиковалось и практикуется еще и теперь въ приморскомъ городѣ Палермо.

Дамы въ этомъ городѣ славятся своей красотой. Не мало тамъ проживаетъ женщинъ, которыя отличающыяся всеми наружными прелестями, не могутъ похвастать добродѣтелью. Онѣ особенно слѣдятъ за прѣз-

жими кущами, стараясь завлечь ихъ въ свои пагубныя сѣти. Не мало негоціантовъ разорили онѣ. Эти несчастные не только оставляли у нихъ все свои богатства, но даже и собственную жизнь.

Одинъ молодой тосканецъ, по имени Салабаэтто, но болѣе извѣстный по прозвищу Николло де Чиньяко, былъ посланъ своимъ патрономъ въ Салерно, съ шерстяными товарами, стоимость которыхъ равнялась 500 флориновъ. Выгрузивъ свои товары, уплативъ пошлину и заперевъ

ихъ въ магазинъ, Николло сталъ знакомиться съ городомъ, не торопясь приступать къ торговлѣ. Этотъ молодой человѣкъ былъ красивъ собою и очень легкомысленъ. Вотъ одна изъ упомянутыхъ нами прелестницъ и замѣтила Николло. Это была одна изъ обворожительныхъ дамъ, по имени Біанка-Фіоре. Тосканецъ принялъ ее за знатную даму общества. Замѣтивъ ея вниманіе, Николло рѣшилъ, что прельстилъ эту особу своею красотою. Онъ очень не прочь былъ свести съ ней интригу, прогуливаясь у нея подъ окнами.

Ободривъ его въ достаточной мѣрѣ своими привѣтливыми взглядами, Біанка послала къ нему свою камеристку, которая рассказала юношѣ, что ея госпожа увлечена его красотою и непременно желаетъ имѣть съ нимъ тайное свиданіе.

Служанка слезно увѣряла Николло, что Біанка не находитъ себѣ минуты покоя отъ любви къ нему, что она тоскуетъ и сохнетъ по немъ. Въ заключеніе она отъ имени своей барыни передала ему драгоценный перстень, какъ доказательство особаго расположенія.

Салабаэтто былъ въ восторгѣ. Онъ схватилъ перстень, долго любовался имъ, затѣмъ надѣвъ на палецъ заявилъ, что готовъ раздѣлить нѣжныя чувства Біанки и согласенъ явиться къ ней на свиданіе.

Камеристка передала его отвѣтъ своей барынѣ и Біанка снова послала сказать, чтобы онъ на другой день ждалъ ее въ указанной банѣ, послѣ вечерни. Салабаэтто отправился. Спустя нѣкоторое время туда явились двѣ служанки Біанки Фіоре; одна несла мягкой матрацъ, другая—корзину съ разными разностями. Матрацъ они постлали на одну изъ скамеекъ, покрывъ тонкой простыней, вышитой золотомъ и шелкомъ, сверху положили бѣлое кипрское покрывало и расшитыя подушки. Затѣмъ тщательно вымыли всю баню.

Вскорѣ появилась и Біанка Фіоре, сопровождаемая двумя другими служанками. Она ласково заговорила съ Салабатаэлло, покрывая его поцѣлуями.

— Только ради васъ одного я рѣшилась придти сюда,—лепетала она;—я не могу бороться съ охватившимъ меня чувствомъ, вы побѣдили мое сердце, очаровательный тосканецъ.—Они вошли въ помещеніе. Біанка сама вымыла юношу ароматичнымъ мускуснымъ мыломъ; затѣмъ оба вытерлись тончайшими простынями. Ихъ опрыскали розовой водой и духами флеръ д'оранжа, и эссенціей жасмина. Все это принесено было въ драгоценныхъ флаконахъ. Выпили прекраснаго вина, и поѣли разныхъ сладостей.

Салабаэтто казалось, что онъ находится въ раю. Но болѣе всего его поражала красота Біанки. Онъ жаждалъ остаться съ нею наединѣ. Служанки ушли, наконецъ, и Біанка снова покрыла поцѣлуями тосканца. Онъ отвѣчалъ ей тѣмъ же. Такъ пріятно провели они нѣсколько часовъ. Біанка затѣмъ снова позвала своихъ служанокъ, которыя помогли имъ одѣться. Разставаясь Біанка сказала:

— Дорогой мой, ты доставишь мнѣ большое удовольствіе, если придеши сегодня поужинать со мной.

Увлеченный Салабаэтто, конечно, изъявил полное согласіе. Затѣмъ они разстались.

Красавица особенно украсила свое жилище и заказала роскошный ужинъ. На столъ подавали всевозможныя яства. Послѣ ужина они перешли въ спальню; запахъ тончайшихъ духовъ, роскошная обстановка, обхожденіе красавицы, все это заставляло его думать, что передъ нимъ знатнѣйшая женщина. Нелестные отзывы, которые онъ слышалъ на ея счетъ совершенно испарились изъ его головы, да онъ и не вѣрилъ ничему дурному о Біанкѣ, тѣмъ болѣе, что былъ убѣжденъ въ ея страсти къ нему.

Прошла ночь. На утро Біанка надѣла на него поясъ съ хорошенькимъ кошелькомъ, сказавъ:—мой другъ, владѣй всѣмъ, что мнѣ принадлежитъ. Я отдала тебѣ мое сердце, значить ты полный господинъ въ моемъ домѣ и властелинъ мой и моихъ сокровищъ.—Салабаэтто поцѣлуями отвѣчалъ на эти новыя доказательства любви. Онъ ушелъ отъ нея только для того, чтобы повидаться съ другими кушцами.

Такъ шло время, влюбленный тосканецъ пользовался ея любовью, безъ всякихъ расходовъ. Товаръ онъ свой распродалъ очень выгодно, выручивъ хорошія деньги. Красавица уже узнала объ этомъ и составила планъ какъ завладѣть его деньгами. Салабаэтто пришелъ, ода нажды, къ ней ужинать; она особенно была съ нимъ любезна, оказывали ему всяческое вниманіе, осыпала горячими ласками; и во чтобы то нѣ стало хотѣла подарить ему два дорогихъ серебряныхъ кубка. Но тако какъ онъ уже неоднократно получалъ отъ нея подарки, а самъ ничего не дарилъ ей, то несмотря на ея настоянія Салабаэтто рѣшительно отъ казвался.

Во время ихъ разговора, одна изъ служанокъ вызвала ее въ другую комнату. Біанка вышла. Она возвратилась спустя нѣсколько минутъ, заливаясь слезами, затѣмъ бросилась на диванъ, рыдая еще сильнѣе. Удивленный и ничего не понимавшій Салабаэтто, наконецъ, съ недоумѣніемъ спросилъ о причинѣ ея неутѣшнаго горя.

— Что съ тобою, моя радость,—шутя говорилъ онъ,—отчего ты такъ плачешь? Какая причина? Не скрывай отъ меня.

Біанка не отвѣчала, а рыданія ея усилились. Салабаэтто умолялъ настойчиво.

— Увы, мой другъ—вскричала Біанка,—я не знаю, что мнѣ дѣлать! У меня тяжелое горе. Я только что получила письмо отъ брата, который проситъ меня немедленно выслать ему тысячу флориновъ, иначе его обезглавятъ. Я просто въ отчаяніи. Гдѣ мнѣ достать нужную сумму въ такой короткій срокъ? Если бы онъ мнѣ далъ сроку недѣли двѣ, я бы, конечно, все устроила. Продала бы какое-либо изъ своихъ имѣній, но такъ скоро я не могу ничего сдѣлать. О, я, кажется, не переживу смерти

моего дорогого брата;—и снова горькія слезы оросили ея прелестное лицо.

Влюбленный тосканецъ повѣрилъ ея словамъ и ея горю.

Я никакъ, къ сожалѣнію, не могу одолжить вамъ тысячи флориновъ, у меня есть только пятьсотъ, которые я вамъ съ удовольствіемъ и предлагаю займы, если вы мнѣ только отдадите черезъ двѣ недѣли. Къ счастью, я вчера продалъ свои сукна и теперь могу услужить вамъ.

— Какъ! ты до вчерашняго дня сидѣлъ безъ денегъ и не обратился ко мнѣ,—перебила его Біанка.—Я бы всегда могла дать тебѣ сто или двѣсти золотыхъ. Такое недовѣріе не позволяетъ и мнѣ пользоваться твоей добротой.

Салабаэтто, еще болѣе тронутый такими ведикодушными рѣчами, сказалъ:

— О, другъ мой, пусть это не мѣшаетъ тебѣ воспользоваться моею услугою, такъ какъ говорю, что еслибъ я очень нуждался въ деньгахъ, то навѣрно бы обратился къ тебѣ.

— О, мой Салабаэтто,—вскричала куртизанка,—ты достоинъ быть моимъ другомъ. Ты такъ великодушенъ и деликатенъ, что безъ всякой просьбы, съ моей стороны, предлагаешь мнѣ такую большую сумму. Съ этихъ поръ, ты для меня еще дороже, еще милѣе, твоей услуги я никогда не забуду. Къ сожалѣнію, я вынуждена принять отъ тебя эти пятьсотъ флориновъ, хотя мнѣ это и крайне тяжело, ты купецъ, а купцамъ необходимы деньги для оборотовъ, впрочемъ, я увѣрена, что скоро возвращу ихъ тебѣ. А для того, чтобы достать остальное, я заложу свои драгоценности.

При этихъ словахъ она нѣжно прижалась къ своему другу.

На утро тосканецъ принесъ ей пятьсотъ золотыхъ флориновъ, удовольствовавшись только ея словомъ, относительно отдачи этого займа. Дама взяла деньги со смѣхомъ въ душѣ и со слезами на глазахъ, увѣряя его въ своей нѣжности и преданности.

Съ этого дня, однако, пошло все иначе. Достигнувъ цѣли, она перемѣнила съ нимъ свое обращеніе. Салабаэтто теперь часто сталъ находить ея дверь закрытою, и по недѣлямъ не могъ къ ней проникнуть, она подъ разными предлогами отказывалась его видѣть. Мѣсяцъ уже прошелъ послѣ назначеннаго дня срока уплаты. Біанка и не поминала о деньгахъ.

Наконецъ, Салабаэтто рѣшился ей сказать объ этомъ. Ему отвѣтили раздраженіемъ. Тосканецъ понялъ, наконецъ, что обманутъ. Что было еще дѣлать? Какъ онъ могъ предвидѣть, что такая воспитанная и очаровательная женщина могла обмануть? Жаловаться ему было нельзя. У него не имѣлось ни росписки, ни свидѣтелей. Боясь насмѣшекъ, онъ никому даже не рѣшался разсказать о своемъ несчастномъ приключеніи. А между тѣмъ онъ получилъ отъ своихъ хозяевъ извѣщеніе съ распоряженіемъ выслать имъ вырученныя деньги.

Чтобы скрыть свой проступокъ и избѣгнуть наказанія, Салабаэтто, вмѣсто Парижа, отправился въ Неаполь, гдѣ находился его другъ Петръ Каниджано, казначей константинопольской императрицы, человѣкъ очень умный и опытный. Салабаэтто покаялся ему, подробно разсказавъ о своемъ несчастномъ приключеніи, и просилъ его совѣта и поддержки.

Побранивъ хорошенько своего друга за легковѣріе, Петръ Каниджано посовѣтовалъ ему возвратиться въ Палермо, научивъ его, что надо дѣлать. Салабаэтто понравился его планъ и онъ принялся выполнять его. Заказавъ много огромныхъ тюковъ, тщательно ихъ запаковалъ и запечаталъ, затѣмъ, купилъ нѣсколько бочекъ изъ подъ масла, которыя тоже закупорилъ, наполнивъ водою, помѣстилъ все это на корабль и поплылъ въ Палермо, слѣдуя инструкціямъ своего друга. По пріѣздѣ туда, онъ помѣстилъ все привезенное въ таможенную, вписавъ въ таможенные книги, и заявилъ, что товаръ этотъ не будетъ продавать, пока не получитъ новую ожидаемую партію.

Біанка Фиоре, узнавшая о прібытіи Салабаэтто и о его новыхъ товарахъ, стоящихъ по оцѣнкѣ около тысячи флориновъ, рѣшила увидѣться съ тосканцемъ, и возвратитъ ему пятьсотъ флориновъ съ цѣлью выманить у него гораздо большую сумму. Съ этимъ намѣреніемъ она послала его звать къ себѣ. Салабаэтто уже болѣе осторожный, однако, не подавая виду, что сердится на нее, явился на зовъ. Біанка приняла его очень ласково. Она просила его простить ей ея невольную неаккуратность, объясняя, что именно это и повергло ее тогда въ дурное настроеніе.

— Признаюсь, мнѣ не легко было тогда устроиться, — замѣтилъ тосканецъ, — но друзья мои меня поддержали. Я такъ безумно люблю васъ, сударыня, что продалъ всѣ свои имѣнія и рѣшилъ поселиться въ этомъ городѣ. У меня на двѣ тысячи уже здѣсь товаровъ, да я еще ожидаю не менѣе, какъ на три. Я слишкомъ привязанъ къ вамъ; любовь, которую вы зажгли въ моемъ сердцѣ, не допускаетъ меня жить вдали отъ васъ, ваше присутствіе мнѣ необходимо. Вы просто меня околдовали.

— Я такъ рада, что вы поселитесь здѣсь, мой другъ, — отвѣчала хитрая Біанка. — Будьте увѣрены, что чувства мои къ вамъ не остыли, а если за послѣднее время я была недостаточно нѣжна съ вами, то это надо приписать домашнимъ разстройствомъ. Теперь непріятности мои окончились, и я, повѣрьте, буду снова любезна и внимательна. Вѣдь, вы мнѣ все также дороги. Къ тому же меня слишкомъ тяготило то обстоятельство, что я не могла отдать вамъ деньги въ назначенный срокъ; только что вы уѣхали, я получила нужную мнѣ сумму, я бы ихъ вамъ отослала, еслибъ знала, куда адресовать, но теперь вы вернулись и получите ихъ лично.

При этомъ, она приказала подать себѣ кошелекъ съ золотомъ и передала его Салабаэтто, прося пересчитать. Конечно, тосканецъ былъ въ восторгѣ. Онъ взялъ мѣшочекъ, пересчиталъ золотые, ихъ оказалось ровно пятьсотъ.

— Я вѣрю вамъ, моя красавица, — началъ Салабаэтто, — и прошу васъ въ случаѣ надобности всегда обращаться ко мнѣ, я всегда счастливъ буду услужить вамъ.

Возстановивъ, такимъ образомъ, добрыя отношенія, они стали по-прежнему часто видаться. Тосканецъ все время дѣлѣялъ мысль отомстить, заплативъ обманомъ за обманъ.

Однажды, когда явившись къ ней на ужинъ, Салабаэтто имѣлъ очень печальный и унылый видъ, точно приговоренный къ смерти. Красавица стала его спрашивать о причинѣ его грусти. Послѣ долгихъ записательствъ, тосканецъ объявилъ, что разоренъ. Разказалъ, что будто на его корабль съ товарами напали корсары, требуя за него 10 тысячъ выкупа, что ему необходимо пока уплатить хоть тысячу, чтобы вырвать свои товары.

— А между тѣмъ у меня теперь нѣтъ денегъ добавилъ онъ. — Данныя мнѣ вами 500 флоринновъ, я отправилъ въ Неаполь для закупки полотень, которыя и ожидаю сюда. Конечно, я бы могъ продать мой товаръ въ таможнѣ, но теперь время неподходящее и я потеряю на немъ болѣе половины. Въ Палермо же у меня мало знакомыхъ, мнѣ не къ кому обратиться за поддержкой. Вотъ это-то и является причиной моей грусти. Если я не заплачу тысячи золотыхъ, товары мои отправятъ въ Монако и я буду окончательно разоренъ.

Бianка Фиоре подумала, что ей будетъ очень невыгодно, если богатства тосканца погибнуть.

— О, какъ я сочувствую твоему горю, мой другъ, — сказала она: видитъ Богъ, имѣй я эту тысячу, я бы не колебалась отдала тебѣ, но у меня теперь нѣтъ денегъ. Когда я сама нуждалась и взяла отъ васъ 500 золотыхъ, остальные 500 я заняла у одного человѣка, который взимаетъ 30%/. Вотъ, если вы не прочь занять на такихъ условіяхъ, онъ и вамъ одолжить, я устрою это. Если же ему недостаточно будетъ моего поручительства, какой залогъ можете представить вы въ обезпеченіе этой суммы?

Салабаэтто отлично понялъ, что подъ видомъ ростовщика, она сама дастъ ему свои деньги.

— О, я не постою ни за какими процентами, — отвѣчалъ тосканецъ, — крайняя необходимость вынуждаетъ меня на все. Въ обезпеченіе я запишу на его имя мои товары въ таможнѣ, только съ правомъ сохранять у себя ключи отъ магазина, чтобы я могъ слѣдить за товарами, и показывать ихъ покупателямъ.

Бianка нашла это достаточнымъ обезпеченіемъ. На утро она послала за подставнымъ факторомъ, дала ему тысячу золотыхъ, чтобы тотъ отнесъ Салабаэтто; послѣдній же записалъ на его имя свои товары, находящіеся въ таможнѣ. Обдѣлавъ это дѣльце, тосканецъ въ тотъ же день отправился въ Неаполь къ Петру Кониджано и уплатилъ ему занятыя деньги. Поблагодаривъ его за науку, онъ разказалъ подробно,

какъ провелъ сицилианку. Затѣмъ онъ отправился во Флоренцію и отдалъ своимъ хозяевамъ ихъ 500 флориновъ.

Біанка Фиоре, долгое время не видя Салабаэтто и разыскивая его тщетно въ Палермо, стала подозрѣвать, что сама попала въ ловушку. Прождавъ два мѣсяца, она рѣшилась вскрыть магазинъ. Откупили бочки, оказалось, что онѣ вмѣсто масла были наполнены водой, развя, зали тюки, оказалось, что два изъ нихъ только заключали сукна, остальные же были набиты оческами. Красавица сицилианка горько оплакивала свою тысячу флориновъ. Да, съ тосканцемъ слѣдовало держать ухо востро. Оказалась одураченной она сама. Нашла, повидимому, коса на камень!

Только что Діонео окончилъ свой разсказъ, какъ всѣ стали хватить мудрый совѣтъ Каниджано и ловкость Салабаэтто. Затѣмъ королева, замѣтивъ, что пришелъ конецъ ея царствованію, сняла съ себя лавровый вѣнокъ и возложила его на голову Эмилиі, любезно сказавъ ей:

— Не знаю, сударыня, какую королеву вы намъ изобразите; но, во всякомъ случаѣ, если ваше управленіе будетъ соотвѣтствовать вашей красотѣ, то оно будетъ приятное.

Новая королева изъ скромности потушила свои глаза на нѣсколько секундъ, затѣмъ сдѣлавъ необходимыя распоряженія, обратилась ко всему обществу со слѣдующей рѣчью:

— Милыя дамы. Пусть каждый изъ васъ разсказываетъ то, что ему вздумается. Такимъ образомъ будетъ болѣе разнообразіе; а заступившая мѣсто послѣ меня заставитъ слѣдовать прежней методѣ, всѣхъ уже испытанныхъ на поприще разсказовъ.

Сказавъ это, она отпустила всѣхъ до ужина.

Общество разошлось. Дамы стали забавляться приготовленіемъ вѣнковъ и букетовъ, мужчины пляскою и пѣніемъ. Наступилъ часъ ужина, сѣли за столъ, и всѣ хорошо и аппетитно поужинали около фонтана.

Послѣ ужина снова началось пѣніе и танцы. Новая королева приказала Памфило спѣть еще одну пѣсню. Памфило повиновался и нѣжнымъ, ласкающимъ голосомъ пропѣлъ гимнъ любви, который растрогалъ сердца присутствующихъ:

Люби и счастья наслажденія,
 Чтò ты даришь мнѣ, столь велики,
 Могучій богъ любви и страсти,
 Чтò я горю съ восторгомъ въ нихъ.

* * *

Въ моей груди кипитъ вулканъ страстей
 И сердце въ радости мятежно бьется

Не въ силахъ удержать любовь,
 Столь сильно на волю она рвется.

* * *

Люби моей не выразить ни въ звукахъ,
 Ни въ краскахъ описать нельзя,
 И еслибъ могъ ее я передать,
 То все же скрылъ бы счастье ото всѣхъ.

* * *

И могъ ли кто-нибудь повѣрить,
 Что заключу въ свои объятья ту,
 Которая теперь поконится въ нихъ часто,
 И что уста мои прильнуть къ ея лицу.

* * *

О, кто бы думать могъ,
 Что ты отвѣтишь мнѣ на ласки,
 Звѣзда моя, не знавшая любви дотолѣ,
 И радостью наполнившая жизнь мою.

Каждый куплетъ сопровождался аплодисментами; всѣ слушали со вниманіемъ, желая разгадать тайный смыслъ этой пѣсни. Но Памфило умѣлъ скрыть свою тайну. Никто не разгадалъ его секрета. Королева приказала затѣмъ разойтись, и дамы и мужчины отправились на покой.

